

В. М. НАСИЛОВ

ЯЗЫК ТЮРКСКИХ
ПАМЯТНИКОВ
УЙГУРСКОГО ПИСЬМА
XI—XV ВВ.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**ЯЗЫКИ
НАРОДОВ
АЗИИ
И
АФРИКИ**

*Серия основана
проф. Т. П. Сердюченко*

В. М. НАСИЛОВ

ЯЗЫК ТЮРКСКИХ
ПАМЯТНИКОВ
УЙГУРСКОГО ПИСЬМА
XI—XV ВВ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1974

Редколлегия

В.М. Соляцев (председатель), Н.А. Дворянков,
Н.А. Лисовская (ученый секретарь), Ю.Я. Плам,
Г.Д. Санжеев

В очерке исследуются литературные тексты, представляющие собой переходное звено между памятниками древнеуйгурского языка буддийского и манихейского содержания и деловых юридических документов и памятниками так называемого мусульманского содержания.

Автор, ныне покойный крупнейший советский тюрколог В.М. Насилов, детально анализирует языковые явления переходного характера — от древнеуйгурских к более поздним, отраженным в среднеазиатском литературном языке «тюркий» и «чагатайском». Публикуемый очерк задуман и выполнен как продолжение очерка «Древнеуйгурский язык» (М., 1963).

Н 70104-100 239-74
013(02) -74

ОТ РЕДАКЦИИ

Серия «Языки народов Азии и Африки» основана в 1959 г. проф. Г.П. Сердюченко, под общей редакцией которого было выпущено 75 очерков, вызвавших большой интерес у советских и зарубежных читателей.

В настоящее время публикация серии продолжается под руководством редакционной коллегии.

Очерки, составляющие серию, посвящены описанию либо современных языков стран Азии и Африки, либо языков прошлого, сыгравших большую культурно-историческую роль в жизни народов Востока. Ряд очерков содержит характеристику отдельных языковых групп.

Очерки, публикуемые в настоящей серии, предназначены для широкого круга языковедов и историков — научных работников и аспирантов, а также для преподавателей и студентов восточных филологических и исторических факультетов высших учебных заведений. Они могут оказаться полезными для читателей, интересующихся общим языкознанием или изучающих отдельные восточные языки. Для того чтобы читатели могли лучше ориентироваться в серии, помещаем список вышедших очерков.

1959 г.

Юшманов Н.В., Амхарский язык.

1960 г.

Андронов М.С., Тамильский язык.

Дворянков Н.А., Язык пушту.

Дмитриев Н.К., Турецкий язык.

Дорофеева Л.Н., Язык фарси-кабули.

Зограф Г.А., Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала.

Иванов В.В., Топоров В.Н., Санскрит.
Катенина Т.Е., Язык хинди.
Мазур Ю.Н., Корейский язык.
Мячина Е.Н., Язык суахили.
Наджип Э.Н., Современный уйгурский язык.
Насилов В.М., Язык орхоно-енисейских памятников.
Петруничева З.Н., Язык телугу.
Рубинчик Ю.А., Современный персидский язык.
Санжеев Г.Д., Современный монгольский язык.
Смирнова М.А., Язык хауса.
Солицев В.М., Лecomцев Ю.К., Мхитарян Т.И., Глебо-
ва И.И., Вьетнамский язык.
Теселкин А.С., Алиева Н.Ф., Индонезийский язык.
Тодаева Б.Х., Монгольские языки и диалекты Китая.
Толстая Н.И., Язык панджаби.
Фельдман Н.И., Японский язык.
Фролова В.А., Белуджский язык.

1961 г.

Бабакаев В.Д., Ассамский язык.
Горгонийев Ю.А., Кхмерский язык.
Коростовцев М.А., Египетский язык.
Коротков Н.Н., Рождественский Ю.В., Сердюченко Г.П.,
Солицев В.М., Китайский язык.
Курдоев К.К., Курдский язык.
Морев Л.Н., Плам Ю.Я., Фомичева М.Ф., Тайский язык.
Охотина Н.В., Язык зулу.
Рерих Ю.Н., Тибетский язык.
Сердюченко Г.П., Чжуанский язык.
Теселкин А.С., Яванский язык.
Шарбатов Г.Ш., Современный арабский язык.
Яковлева И.П., Язык ганда (луганда).

1962 г.

Андронов М.С., Язык каннада.
Дымшиц З.М., Язык урду.
Соколов С.Н., Авестийский язык.

1963 г.

Аракин В.Д., Мальгашский язык.
Завадовский Ю.Н., Арабские диалекты Магриба.

Иванов В.В., Хеттский язык.
Катенина Т.Е., Язык маратхи.
Маун Маун Ньюн, Орлова И.А., Пузицкий Е.В., Тагунова И.М., Бирманский язык.
Насилов В.М., Древнеуйгурский язык.
Оранский И.М., Иранские языки.
Пашков Б.К., Маньчжурский язык.
Тенишев Э.Р., Саларский язык.
Теселкина А.С., Древнеяванский язык (кави).
Шифман И.Ш., Финикийский язык.
Яковлева В.К., Язык йоруба.

1964 г.

Вентцель Т.В., Цыганский язык (севернорусский диалект).
Выхухолев В.В., Сингальский язык.
Еланская А.И., Коптский язык.
Карпушкин Б.М., Язык ория.
Липин А.А., Аккадский язык.
Меликишвили Г.А., Урартский язык.
Санжеев Г.Д., Старописьменный монгольский язык.
Токарская В.П., Язык малинке (маядинго).
Церетели К.Г., Современный ассирийский язык.

1965 г.

Андронов М.С., Дравидийские языки.
Аракин В.Д., Индонезийские языки.
Герценберг Л.Г., Хотаносакский язык.
Дьяконов И.М., Семитохамитские языки.
Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н., Язык пали.
Ефимов В.А., Язык афганских хазара (якаулангский диалект).
Королев Н.И., Язык непали.
Павленко А.П., Сунданский язык.
Савельева Л.В., Язык гуджарати.
Сегерт Ст., Угаритский язык.
Эдельман Д.И., Дардские языки.
Юань Цзя-хуа, Диалекты китайского языка.
Яхонтов С.Е., Древнекитайский язык.

1966 г.

Бауэр Г.М., Язык южноаравийской письменности.
Быкова Е.М., Бенгальский язык.

Егорова Р.П., Язык синдхи.
Крус М., Шкарбая Л.И., Тагальский язык.
Расторгуева В.С., Среднеперсидский язык.
Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х., Язык желтых уйгуров.

1967 г.

Завадовский Ю.Н., Берберский язык.
Крупа В., Язык маори.
Стариния В.П., Эфиопский язык.
Шеворошкин В.В., Лидийский язык.

1968 г.

Кямилев С.Х., Марокканский диалект арабского языка.
Пузицкий Е.В., Качинский язык (язык чжингпхо).

1969 г.

Дунаевская И.М., Язык хеттских иероглифов.
Миронов С.А., Язык африкаанс.
Пахалина Т.Н., Памирские языки.

1970 г.

Климов Г.А., Эдельман Д.И., Язык бурушаски.
Парфионович Ю.М., Тибетский письменный язык.
Смирнов Ю.А., Язык ленди.

1971 г.

Андронов М.С., Язык брауи.
Захарьян Б.А., Эдельман Д.И., Язык кашмири.
Титов Е.Г., Современный амхарский язык.

1972 г.

Морев Л.Н., Москалев А.А., Плам Ю.А., Лаосский язык.
Сь ромятников Н.А., Древнеяпонский язык.

1973 г.

Аракин В.Д., Самоанский язык.
Крюков М.В., Язык иньских надписей.
Топорова И.Н., Язык лингала.

Редакция обращается к читателям с просьбой присылать свои пожелания и замечания по адресу: Москва, Центр, Армянский пер., 2, Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», редакция серии «Языки народов Азии и Африки».

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 960 г. в Караханидском государстве ислам был принят как официальная религия. В связи с этим был принят и арабский алфавит как официальное письмо. Однако уйгурское письмо не только сосуществовало с арабским, но оказалось долговечным на обширной периферии вплоть до Герата. Таким образом, обе формы письма в Центральной Азии уживались вплоть до XV в. Однако при трансформации языка под влиянием все более распространяющихся с запада «мусульманских» форм письма и замене языков *д*-группы языками *ж*-группы уйгурское письмо постепенно вытесняется.

В данной работе охватывается комплекс таких литературных текстов, которые представляют собой историческое звено между памятниками древнеуйгурского языка буддийского и манихейского содержания и деловых юридических документов и памятниками так называемого мусульманского содержания. Литературные памятники этого периода продолжают хранить древнеуйгурские языковые традиции и в то же время отражают новые лексические и грамматические явления, обусловленные интенсивным воздействием арабских и персидских литературных образцов исламской культуры.

Нам представляется, что интеграция языковых особенностей исследуемых текстов должна послужить предпосылкой к пониманию многих языковых явлений в произведениях на «тюрки» и так называемом «чагатайском» языке, из которого слагались формы и узбекского литературного языка средних веков.

Хотя произведения, язык которых анализируется в данном очерке, и принадлежат различным авторам, представителям разных этнических групп, однако единство традиций и общность литературных приемов позволяют нам интегрировать их грамматические и лексические явления, основываясь на единых принципах языкового ана-

лиза. Наш очерк, по-видимому, явится некоторым продолжением предыдущих очерков: «Язык орхон-енисейских памятников» (1960) и «Древнеуйгурский язык» (1963), причем последний представляет собой как бы введение к материалам, которые подвергаются анализу в данной работе. И действительно, характерные особенности древнеуйгурского языка отмечаются в языке «Қутадғу билиг» Юсуфа Баласагунского (XI в.), «Атэбэт ул-хэқаиқ»¹ Адиба Ахмеда Югнеки (XII в.), «Қыссас эл-энбийэ» хорезмийца Рабғузи (XIV в.) и даже в таких литературных образцах XV в., как «Тээкэрэ-и эвлийэ» (1436) и «Мираж-намэ» (1437), появившихся в Герате, а также и в «Тешхис ул-инсан». (Для обозначения этих памятников в настоящей работе мы используем сокращения: КБ, АХ, КЭ, ТЭ, МН, ТИ, Рбг.)

Памятник «Қутадғу билиг» дошел до нас в трех рукописях: Гератская, выполненная уйгурским письмом (1439 г., рукопись находится в Вене), а также Каирская (XIV в., рукопись хранится в Каире) и Наманганская (конец XII в. – первая половина XIII в., хранится в Ташкенте) – обе исполнены арабским письмом.

Поэма «Қутадғу билиг» была написана Юсуфом-хасс-Хаджибом Баласагунским и преподнесена автором в 1069 г. караханидскому правителю в Кашгаре Табгач Бугра-хану.

Над различными рукописями этого памятника работали такие крупнейшие востоковеды-тюркологи, как Г. Вамбери [1], В.В. Радлов [2], А.Н. Самойлович [3], С.Е. Малов [4], Р. Арат [5]. Р. Арат дал сводный текст поэмы на основе всех трех рукописей и полный перевод ее на турецкий язык, однако заметим, что транскрипция Р. Арата не является для нас целиком удовлетворительной в плане передачи им фонетических особенностей караханидских памятников.

Близка по языку к «Қутадғу билиг» поэма дидактического содержания «Атэбэт ул-хэқаиқ (или «Гибат ул-хэқаиқ»), сочинение Ахмеда Югнеки (первая половина XIII в.). Р. Арат издал на основе трех списков сводный текст поэмы с турецким переводом и комментариями [6]. В работе также факсимильно воспроизведены эти три списка.

¹ Здесь и далее в очерке сохраняется авторская передача названий произведений, имен собственных, географических названий, некоторых мусульманских религиозных терминов, хотя она и отличается от транскрипции, принятой в настоящее время востоковедами разных специальностей. Сохранена также авторская транскрипция примеров, поэтому в ряде случаев возможны фонетические варианты (см. ай-~эй- 'говорить' и др.). [Прим. ред.]

Один из них, каллиграфически переписанный с оригинала уйгурским письмом в 1444 г. хорезмийцем Зайн ал-Абиддином бин Султан Бахш Джурджани Хусайни, хранится в Стамбуле в библиотеке Айа София (под № 4012). Другой список под № 4757, переписанный в 1480 г. Шайхзада Абд ар-Раззаком Бахши, хранится в той же библиотеке. И, наконец, третий список на арабском письме хранится в Стамбуле в библиотеке дворца Топ-кабы (под № 35552).

При работе и с этой книгой Р. Арата мы также испытывали неудовлетворенность от перевода произведения и стремились отразить в приводимых ниже примерах свое понимание текста поэмы.

Мы не собираемся давать характеристику идейного и художественного содержания этих двух произведений, но не можем и оставить без внимания то, что между содержанием произведений буддийско-манихейского мировоззрения и гуманизмом «Қутадғу биліг» и «Атэбэт ул-хэкаик» (относимых обычно к памятникам мусульманской идеологии) существует органическая преемственная связь, расширяющая идейное значение этих памятников далеко за рамки мусульманской идеологии. Однако анализ такого содержания памятников относится к истории философии и религий, а потому в данном очерке такого аспекта мы не касаемся.

Эти два так называемых кариханидских памятника представляют собой образцы литературного языка, слагавшегося под влиянием исламской культуры впервые в Кашгаре и распространившегося на Восточный и Западный Туркестан; свое развитие и изменение он получил в хорезмско-золотоордынской среде. Литературный язык караханидских памятников еще тесно связан с древнеуйгурским языком, под влиянием которого он развивается как новая форма литературного «диалекта» исламского хаканидского периода. Эта форма остается достаточно живучей и в условиях дальнейшего влияния огузских и главным образом кыпчакских языковых факторов на той этнической почве, где указанный литературный язык начинает доминировать.

Это становится очень заметным в произведении Наср эд-Дина бин Бурхан эд-Дина ар-Рафғузи «Қыссас эл-энбийэ».

Данный памятник, написанный в 1310 г. в Рабат-и Огуз (район Карши), является по своему содержанию как бы сводкой многочисленных библейских сведений о пророках. Видимо, «Қыссас эл-энбийэ» представляет перевод с персидского на тюркский диалект, который, сохраняя литературную традицию караханидских памятников, сложился в огузо-кыпчакской этнической среде в хорезм-

ском монголо-золотоордынском ханстве. «Қыссас эл-энбийэ», как можно думать, был написан для правителя Наср эд-Дина Ток Буга.

Чтобы избежать инноваций, вносимых в язык памятника переписчиками, мы остановились на самом старом лондонском списке «Қыссас эл-энбийэ», который прекрасно был издан К. Грэнбеком [7], делая, впрочем, экскурсы к казанскому изданию Н.И. Ильминского 1859 г. [8] и отрывкам, опубликованным С.Е. Маловым [9], учтена также работа Я. Шинкевича [10].

Памятник «Тэшхис ул-инсан» был нами использован по рукописи, написанной уйгурским письмом и хранящейся в отделе восточных рукописей *Bibliothèque Nationale* (Париж). Роскошная рукопись на розовой коже, иллюстрированная высокохудожественными красочными рисунками, с каллиграфическими уйгурскими комментариями, передающими путешествие Мухаммеда по небесам².

Язык «Тэшхис ул-инсан» было в высшей степени выгодно сопоставлять с языком «Мираж-намэ», памятником, переписанным в 1436 г. в Герате уйгурским письмом и изданным в 1882 г. на арабском письме А. Паве де Куртейлем [11].

Остается сказать несколько слов о памятнике XV в. «Тэзкэрэ-и эвлийэ» («Воспоминание о святых»), огромном по объему переводе на «чагатайский» литературный язык с персидского оригинала, написанного знаменитым мистиком Фэрид эд-Дином Аттатром [12]. Уйгурский манускрипт этого перевода также хранится в *Bibliothèque Nationale* в Париже и представляет собой редкостный по красоте экземпляр каллиграфического уйгурского письма в стиле начала XV в. (дата его написания 840 г. хиджры, т.е. 1436/7 г.). В переводе этой мусульманской «Четии Миней» многие имена персидского подлинника заменены, многие исторические лица не упомянуты, видимо, в интересах локального религиозного канона или из-за каких-то личных тенденций переводчика. В этом памятнике со всею рельефностью выступают уже характерные черты литературного языка Средней Азии XV в. с преобладающими грамматическими формами «чагатайского» периода, особенно разнообразными для спрягаемых форм глагола.

Столь нарочито выбранные памятники дали нам возможность проследить, конечно, относительно, лексико-грамматические из-

² Эта рукопись является «*Supplement reserve*», т.е. «забронированным дополнением», числится в библиотеке по каталогу Blochet под № 1001 и выдается под строжайшую ответственность читателям отдела.

менения, завершившиеся в XV в. конгломератным языком «тюрки», впитавшим в себя караханидо-уйгурскую типологию, а также хорезмско-золотоордынскую и восточнотюркскую (так называемую «чагатайскую»).

При обзоре указанных произведений возникла необходимость делать экскурсы к произведению Махмуда Кашгарского «Дивāн лугāt ат-тюрк», этому интереснейшему словарю тюркских диалектов, тюркская лексика в котором дана в переводе на арабский язык с соответствующими комментариями на арабском языке [13]. Эти экскурсы делаются для того, чтобы использовать примеры, взятые Махмудом Кашгарским из фольклора того времени, и некоторые лингвистические замечания, имеющие отношение к языку указанных нами караханидских памятников и их диалектных особенностей.

Рассматривая в очерке столь различные по времени и месту написания литературные произведения, мы стремимся в них выделить главным образом то общее, что их объединяет в языковом отношении в сфере литературной традиции, и отметить также то, что является специфическим в формах языка отдельных произведений, констатируя таким образом языковые явления; присущие этнической среде, к которой принадлежал автор. Нам думается, что данная работа, следовательно, получает два служебных направления: как свидетельство неразрывности уйгурской литературной традиции и как предпосылка к исследованию отдельных произведений в плане диалектных особенностей их языка и этнической принадлежности их создателей. Необходимо высказать и еще одно соображение. Наш посильный сопоставительный анализ грамматических форм и частично лексики исследуемых произведений позволяет нам более ясно воспринять смысловые модуляции отдельных слов в определенных контекстах, уточнить их значения и точнее расшифровать семантику грамматических форм, которая часто не бывает идентичной в разных контекстах.

Следует оговориться, что анализ морфологии и семантики не будет относиться непосредственно к персидским и арабским заимствованиям, если они не входят органически в строй языка исследуемых произведений.

Читателю данной работы необходимо учесть также факторы, с которыми приходилось автору исследования сталкиваться и которые были благоприятны или, наоборот, создавали большие трудности. Такие произведения, как «Қутадғу биліг», «Атэбэт ул-хәқайқ», «Тэшхис ул-инса» и «Мираж-намэ», нам были доступны в уйгурских

и параллельно арабских вариантах письма, тогда как «Қыссае эл-эвбийэ» в издании К. Грёнбека существует лишь на арабской графике (равно как и казанское издание, куда мы обращались за справками), а «Тэзкэрэ-и эвбийэ» — только в уйгурской (мы пользовались главным образом гелиофаксимиле А. Паве де Куртейля, ибо подлинная рукопись Bibliothèque Nationale была доступна нам лишь эпизодически).

Было бы, конечно, идеальным передать международным фонетическим алфавитом транскрипцию уйгурописьменных и арабописьменных текстов. Однако в этом направлении нужны многочисленные дифференцированные исследования, которые, хотя бы относительно, позволили бы представить себе фонетическую систему языка той поры и снять с нее нивелирующую маскировку, создаваемую графическими приемами уйгурского и арабского письма. Но в данном очерке, несмотря на ожидаемое осуждение нашего метода многими учеными, мы прибегнем только к упрощенной транслитерации так называемой «кириллицей», учитывая, что наша работа представляет обзор лексико-грамматических явлений, иллюстрирующих изменения и развитие литературного языка тюркского средневековья.

СВЕДЕНИЯ О ФОНЕТИКЕ И ГРАФИКЕ

Знаменитое произведение Махмуда Кашгарского «Диван лугат ат-тюрк» (1073) сыграло огромную роль в тюркском языкознании в решении фонетических проблем, касающихся столь отдаленной фазы развития литературного языка. Словарь Махмуда Кашгарского, в котором обширно представлены тюркские диалекты языковой системы, господствующей в Карахашидский период, дает реальную возможность фонетической характеристики живого и литературного языка того времени. Давая комментарии относительно этнической принадлежности отдельного слова или формы в своем словаре, Махмуд Кашгарский в значительной степени помогает установить фонологическое качество отдельных звуков и определить взаимодействие отдельных слогов в фонетических закономерностях. К этому необходимо присоединить и научную интерпретацию Махмудом Кашгарским фонетической характеристики отдельных звуков.

Предложенное В.В. Радловым истолкование фонетического строя «Қутадғу билиг» [267], являющегося одним из главнейших произведений XI в., осталось устойчивым, пока Вильгельм Томсен путем анализа рифм стихов «Қутадғу билиг» не внес в него полного изме-

нения [14]. К. Броккельман, работавший над словарем Махмуда Кашгарского, существенно дополнил качественную оценку отдельных фонем в языке не только «Қутадғу бийиғ», но и других произведений [13в; 15].

Мы уже указали, что анализируемые в настоящей работе письменные памятники написаны и уйгурским, и арабским письмом. В отличие от памятников, исследованных нами в работе «Древнеуйгурский язык», приводимые памятники написаны на более поздней уйгурской графике, которая не имеет последовательности в изображении глухих и звонких согласных, а такие звуки, как *ʒ*, *ʒ*, *x*, редко различаются в написании. Однако некоторые из этих памятников имеют свои эквиваленты в транслитерации арабским письмом, уже позволяющим дифференцировать звучание отдельных фонем в уйгурской системе письма. Характерна также передача диффузного *ʒ* буквой *ʒ* и губного спиранта *ʒ* буквой *ʒ*.

Мы указали, что некот. рые памятники являются переводом с персидского языка. В таких случаях тюркоязычного перевода с арабского или персидского памятника всегда следует иметь в виду сопоставительный анализ имеющихся глосс, на что особое внимание обращал А. Зайончковский (этот большой методист в анализе тюркоязычных памятников). Глубокие исследования С.Е. Малова [4], К. Броккельмана [15], Р. Арата [5,6], М. Мансуроглу [16], А. Зайончковского [17] и других авторов [18] позволяют, отправляясь от графических систем текстов, представить и звуковой состав языка того времени.

При интеграции наблюдений над звуковым составом языка памятников, можно наметить следующую систему вокализма (табл. 1):

Таблица 1

Раствор \ Ряд	Задний		Передний	
	огубл.	исогубл.	огубл.	исогубл.
Широкие	o	a	o	э
Узкие	u	y	y	и
Промежуточные				e

В системе вокализма языка памятников исследуемого периода есть и долгие гласные, на что частично указывают примеры из словаря Махмуда Кашгарского и двойное написание букв для гласных *o*, *a* в текстах уйгурского письма. Однако в данном очерке мы

не будем касаться вопроса о долготе гласных, поскольку об этом имеются сведения в работе Л. Лигети, относящейся к памятникам указанного цикла [19].

В области вокализма до сих пор остается спорным вопрос о наличии в наших памятниках фонемы *e*, так называемого «закрытого *e*». Например, для караханидских памятников можно признать в корневых слогах слова наличие такого закрытого *e*, отличного от *э* и *и*, доминирующих в вокализме других текстов. Такое наблюдение подтверждается работами К. Броккельмана [15], М. Рясянена [20], М. Мансуроглу [16], однако С. Е. Малов в своей транскрипции этих текстов такую фонему не обозначал [4]. Наличие этого звука доказательно, видимо, и для корневых слогов в тюркских словах в «Мираж-намэ» и в «Тэзкэрэ-и эвдийэ», однако оно остается спорным для языка «Қыссас эл-энбийэ». Для последнего памятника следует также учитывать, что в более поздние его списки вносятся многие явления, присущие языку переписчика, что можно отчетливо увидеть в казанском издании Н. И. Ильминского (1859). Отметим также, что среди гласных другого хорезмско-золотоордынского памятника «Неһж ул-фэрадис» (написан в Хорезме приблизительно в 1360 г.) его издатель Я. Экман [21] смело восстанавливает фонему *e*, основываясь на способе одинакового отражения этой фонемы как в персидских, так и в тюркских словах при помощи буквы *ع* с надстрочной фатхой, например: *емди* 'теперь', *ертэ* 'утром', 'рано', *бег* 'князь', *кетэр* 'уносить', *темур* 'железо' и т. п.

Для вокализма «Тэшхис ул-иясан» можно отметить, что древнетюркское *э* в нем чаще отражается как *e/и*, хотя в отдельных словах и сохраняется: *эмэк/имэк* в. *эмэк* 'страдание', 'нужда', *кеч-/кич* в. *кэч* 'переходить', 'проходить', *йет-/йит* в. *йэт* 'доходить', 'достигать' [ср. 16, 22, 23]. Интересна также ассимиляция широкого негубного *э* в начале слова под влиянием узкого *у* последующего слога, например: *этук* в. *тук* 'сапог', *төшук* в. *тэшик* 'дыра', ср. также *тулку* в. *тилку* (*тилки*) 'лиса'.

В системе вокализма можно наблюдать также много явлений, характерных и для древнетюркских памятников, например, гармония гласных во многом аналогична таковой в древних памятниках. Это выражается часто в соотношениях слоговых гласных, негубных и огубленных, по твердому и мягкому звукоряду: *йару* 'светить', 'сиять', *анун* 'приготовляться', 'вооружаться', 'оснащаться', *булыт* 'туча', 'облако'; *эдгу* 'добро', 'добрый', *өгди* 'хвала', 'прославление'. С другой стороны, графическая передача звуков ясно показывает гармонический звукоряд и в агглюти-

нации слогов: *оқылы* 'читающий', 'читатель', *тануқлуғ* 'свидетельство', *қутсуз* 'несчастливый'; *билігсіз* 'несведущий', *игсіз* 'здоровый', 'небольшой', *сэвүліг* (или *сэвиліг*) 'любящий', *сүліліг* 'красота', 'чистота', 'изящество' и т.д.

Заметна гармонизация последующего с негубным гласным слога под влиянием губного гласного в предыдущем слоге, например: *көркүт-* (и *көркит-*) 'показывать', *булыт* (часто и *булут*) 'облако', 'туча', *оқу-* (*оқы-*) 'звать', 'возглашать', 'читать', *муну* (*муны*) – вин. пад. от *бу* ('этого'), *өгдү* (*өгди*) 'хвала', 'прославление', *өзу* (*өзи*) 'он сам', *унутмуш* (*унутмыш*) 'забытый'.

При наличии губного согласного предшествующего слога отмечается огубление гласного последующего слога, например: *эвүг* (и *эвиг*) 'хозяин в доме', *тапуғ* (и *тапығ*) 'служение', 'повиновение', *амрул-* (и *амрыл-*) 'успокоиться', *чавлуғ* (и *чавлығ*) 'знаменитый', 'известный', 'славный', *тэвүг* (*тэблиг* и *тэвлиг*) 'коварный', 'соблазнитель', 'лстец', 'обманщик', *сэвүг* (и *сэвиг*) 'любовь', *қапуғ* (и *қапығ*) 'дверь', 'врата', *мун-* (и *мин-*) 'садиться верхом'.

При соседстве альвеолярных или дентальных консонант замечается фонетическая вариантность гласных, например: *иш* 'работа' и *ыш* 'работа', 'дело', *тил* 'язык' и *тыл* 'речь', *йорит-* 'двигать' и *йорыт-* 'заставить идти' (*тилиндэ йорыт-* 'произнести' – КБ).

Иногда выявляется регрессивная ассимиляция, например: *йинчу* 'жемчуг' и *йунчу* (и может быть *йунчи*); *талу* 'избранный', 'прекрасный' и *толу*.

В ряде случаев наблюдается чередование гласных как результат диссимиляции гласных по признаку огубленности, например: *кэнду* (вм. *кэнди*) 'сам', *йитүк* (вм. *йитик*) 'острый', *тэрку* (вм. *тэрки*) 'обеденный стол'. Возможно, здесь мы имеем дело с огублением узкого гласного под влиянием ударения. Заметно и обратное явление – появление негубного гласного вместо ожидаемого губного, например, вместо *умунч* 'надежда' встречается *умынч* (МК), вместо *умут-* 'объединять' – *умыт-* (МК).

При аффиксации наблюдается нёбно-велярная и губная гармония, например: *атым* 'моя лошадь', *қолум* 'моя рука', *қылып* 'сделав', *болуп* 'явясь', 'став', *басыш* 'притеснение', 'натиск', *соқуш* 'сражение', 'бей'. Однако посессивный аффикс 3-го лица не подвергается лабиальной ассимиляции – *тоғрусы*, также и ряд других аффиксов, например, аффиксы винительного и исходного падежа, аффикс именного отрицания, аффикс имени деятеля, аффикс

уменьшительно-ограничительных имен: *отны* 'огонь', *қапұғын* 'дверь' (вин.пад.), *отдын* 'от огня' (исх. пад.), *қаңуісіз* 'бессердечный', *сақлағушы* 'хранитель', *күнгийнэ* 'лишь день'. В противоположность этому ряд аффиксов употребляется преимущественно с губным гласным, например, 3-е лицо повелительно-желательной формы часто имеет аффикс *-сун/-сүн* вместо *-сын/-син*: *қылсун*, *кәлсун*, форма 1-го лица множественного числа прошедшего объективного времени: *қылдуқ*, *бердуқ*, аффиксы понудительного залога: *-дур/-дур*, *-тур/-тур*, *-ғур/-ғур*, *-ғуз/-ғуз* (см. приводимые ниже примеры из текстов гератских памятников).

Можно было бы отметить и другие частные явления в области вокализма, но ввиду того, что мы не раз отмечали их в других работах, здесь касаться их не будем.

Несмотря на графическую замаскированность отдельных фонем однообразным написанием, исследователям удалось выявить качественную сущность консонант в звучании (табл. 2).

Таблица 2

По способу артикуляции			Губные	Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычные	Гортанные
По месту артикуляции							
Шумные	смычные	простые	б п	д т ж ч		к г қ	
		аффрикаты					
	щелевые		в, ф. (в заим. словах)	з с ж (в заим. словах), ш з	й	ғ	х
Сонанты	носовые						
	плавные			л, л р			

Среди особенностей консонантизма следует отметить в ряду дентальных фонем кроме *д* и *т* наличие спирантного *з* (в арабской графике ذ).

В ряду губных помимо *б* и *п* в заимствованных словах встречаются *ф* и редко лабио-дентальный *в*. В заимствованных словах встречается сибиллянтный *ж*, он может быть и вторичным, например: *ажун* (*ачун*) 'мир', 'вселенная'; среди аффрикат, также в заимствованных словах, встречается *ж*. Наконец, для них характерен гортанный (ларингальный) *х*.

В графике *л* и *л* не дифференцированы специальными знаками.

В новоуйгурском письме памятников идентичный рисунок близких по артикуляции фонем иногда различается диакритическими значками.

В ряде памятников, например в «Тэзкэрэ-и эвлийэ», «Тэшхис ул-инсан», да и в «Атэбэт ул-хэкайқ», для обозначения ларингального *h* подстрочно под уйгурским знаком ставится ء («нэмзэ»).

Встречаются соответствия в одних и тех же словах между *қ* и *х*: *қалық* 'небесный свод', 'творец' и *халық*, *қалы* 'если' и *халы*, *йақшы* 'хороший' и *йахшы*, *қулқақ* и *қулхақ*, *қулғау*, 'ухо', *ақшам* и *ахшам* 'вечер', *ақсур-* и *ахсур-* 'чихать'.

Наблюдается ротацизм (чередование *р* и *з*), например: *қызға-* и *қырға-* 'гневаться', *базған* и *барған* 'ягоды мирты', *истэ-* и *иртэ-* (даже *издэ-*) 'следовать', 'искать'.

Отмечается оглушение *з* в *с*, например: *билмэз* и *билмэс* 'он не знает', *болмаз* и *болмас* 'не бывает', 'не является (чем-либо)', *тэгимэз* и *тэгимэс* 'не доходит', 'не соприкасается', 'недостижимый' и т.д.

Важно учесть диалектальную отнесенность языка части памятников к *з*-группе, в противоположность древней *д*-группе древнеуйгурского языка, например: *азын* (ср. *адын*) 'иной', 'другой', *өз* (*өд*) 'время', *эзгу* (*эдгү*) 'добро', 'добрый', 'хороший', *кезим* (*кедим*) 'одежда' и т.д. В словаре Махмуда Кашгарского встречается много вариантов слов с консонантой *з*, которые в языке АХ, КБ, РБГ. содержат консонанту *д*, например: *қузуз* и *қудуз* 'колодец', *кэз* и *кэд* 'весьма', 'очень', 'хорошо', *эрзэм* и *эрдэм* 'добродетель'. Имеются диалектальные варианты чередования *д* ↔ *з* ↔ *й*, например: *қой-* вместо *қод-* 'поставить', 'положить', *кез* вместо *кэд* 'очень'.

Характерно выпадение *р* в инлауте: *бэк* вм. *бэрк* 'крепко', *кигур-* вм. *киргур-* 'вводить', *қутул-* вм. *қуртул-* 'избавиться', 'освободиться', *билэ* вм. *бирлэ* 'с', 'вместе' и т.д.

Наблюдается выпадение консонант *г/г*, *к/к*, например: *кэрэк* вм. *кэргэк* 'нужно', 'необходимо', *эшэк* вм. *эшкэк* 'осел', *қулақ*

вм. *хулъақ* (*хулъақ*) 'ухо'. Однако в большинстве случаев консонанты *г/к* сохраняются: *эмгэк* 'труд', 'страдание', *қазған* 'добывать', 'приобретать', *қысқа* 'короткий'. Необходимо отметить факты, когда *г* переходит в *к* в интервокальной позиции, например: *қавун* 'дыня', *савуқ* 'холодный', *йавуқ* 'близкий'.

Встречаются в памятниках примеры параллельного написания *к* и *г*, например: *улуқ* и *улуғ*, *савуқ* и *савуғ*, *қат(т)ық* и *қатығ*, *қуруқ* и *қуруғ*, *сарық* и *сарығ* и др.

Иногда в КБ наблюдаются явления метатезы, например: *өргэн* и *өгрэн* 'учиться', *йамғур* и *йағмур* 'дождь', *ағдуқ* и *ағуқ* 'незнакомый (о человеке)', *өрчүк* и *өркүч* 'закрученные волосы', *өрдэк* и *өдирэк* 'утка', *кирпик* и *киприк* 'ресница' и др. — явление, свойственное древнеуйгурскому языку.

В системе консонант наблюдается довольно последовательно ассимиляция по звонкости или глухости соседствующего звука, например: *олтур-*, *олдур-* 'сидеть', *өлдур-*, *өлтур-* 'убить', древнее произношение *эмти* меняется в *эмди* 'теперь', *кэшту* — *кэнду* 'сам'.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Ввиду того, что мы в нашей работе «Древнеуйгурский язык» дали большое количество непроизводных основ, представляющих именные и глагольные основы и основы наречных и служебных слов, в данной работе мы покажем лишь главнейшие словообразовательные типы, отмеченные в памятниках.

Словообразовательные элементы, когда-то подчиненные определенным семантическим направлениям в образовании лексических категорий, в период возникновения исследуемых памятников часто уже не воспринимаются как действующие словообразовательные морфемы, и слово в его морфологической целостности приходится считать монолитной лексико-грамматической единицей. Семантический анализ отдельной корневой морфемы уже не представляется возможным, несмотря на ясное выделение словообразующей аффиксальной морфемы, например: *киркин* 'хотение', *туркуи* 'родительский дом', 'род'. Соблазнительно отделить морфемы *-кин/-куи*, однако мы уже лишены возможности ощутить значение *кир-* и *тур-* в этимогенезисе их возникновения. Но есть корневые морфемы, когда представляется возможным ощутить первичный феномен

слова, например: *худурҗақ* 'задняя пола (одежды)' при отделении словообразующего аффикса поддается семантическому истолкованию, т.е. *худур* < *худурув* < *худрув* указывает на хвостовую часть, хвост.

Наряду с этим можно выделить ряд структур, где корневая и аффиксальные морфемы поддаются вычленению и можно наметить типологические направления этого словообразования. Тем не менее лексические образования являются такими структурами, по образцу которых произвольно продолжить воссоздание типа такой структуры в живом языке невозможно. Корневая морфема представляет собою активное лексическое понятие, но аффиксальная морфема уже омертвела в данной фазе развития языка и не может функционировать в словообразовательном процессе, например: *тэркин* 'сборище', 'соединение' от *тэр*- 'собирать', *басқын* 'нападение', 'набег' от *бас*- 'давить', 'теснить' и т.д. В аффиксальной типологии такие словообразовательные форманты поддаются некоторой систематизации.

И, наконец, существует группа таких формантов, которые в данном синхронном плане языка памятников функционируют как живые аффиксы, свободно поддаются отделению от корневой морфемы, которая существует в своей основной форме и может принимать другие словообразовательные элементы, образуя иные семантические категории, например: *сарылық* 'желтизна', 'бледность' — *сары* 'бледный', 'желтый' — *сарыай* 'желтеть', 'бледнеть'; *эзгу* 'хорошее свойство', 'добрый' — *эзгүлүк* 'добро', 'благо' — *эзгүсиз* 'недобрый', 'нехороший' — *эзгүти* 'хорошо', 'получше' и т.д.

В развитии основных корневых морфем в словообразовательном процессе можно наметить три направления: образование именных категорий от именной основы, образование глаголов от именной основы и образование имен от глагольной основы. В свою очередь глагольная основа развивается в особом лексико-семантическом плане, образуя формы различных залогов глагола или другие смысловые модуляции, характеризующие действие, например: *йыла* 'плакать' — *йыламсын* 'рыдать без слез (притворяться плачущим)'; *күл* 'смеяться' — *күлүмсирэ* 'улыбаться' и т.д.

ОБРАЗОВАНИЕ ИМЕН

Аффикс *-лық/-лік, -луқ/-лүк*, довольно часто служащий словообразовательным элементом в лексике памятников: *ағыр-лық* 'честь', *кэрэмлик* 'нужный', 'необходимый', *тоқлуқ* 'сытость', 'насыщение',

кизизлик 'шерсть для войлока', *сөгүтлүк* 'ивняк', *тануңлук* 'свидетельство', *сарыөлкү* 'желтизна', *көжирлик* 'лопата для угля', *отуңлук* 'дровяной склад', *тэмирлик* 'плавильня для железной руды', *бузлук* 'ледяной', 'ледник (подвал)' и т.д.

Аффикс *-даш/-дэш* выражает понятия совместности: *өгдэш* 'дети от одной матери, но разных отцов', *қаңдаш* 'дети одного отца, но разных матерей', *кирдэш* 'сосед на одном дворе', *қудаш* 'родственник', *көүүлдэш* 'друг', *қолдаш* 'товариш'.

Аффикс *-қы/-ки* образует адъективные понятия: *қышықы* 'зимний', *күзки* 'осенний', *кэчки* 'поздний', *йарынқы* 'утренний', 'ранний', *кидинки* 'последний', *өңдунки* 'передний', *қысқы* 'тщеславный', *наруқы* 'находящийся там', 'внешний'.

Непродуктивный аффикс *-л:* *қызыл* 'красный' (от *қызы-* 'разогреваться', 'раскаляться'), *ынал* 'верный', 'надежный' (от **ына-*), *усал* 'ленивый', 'сонливый' (от *у+са-* 'желать спать'), *тил* 'язык' (от *ти-* 'сказать'), *сақал* 'борода' (ср. *сақа-қ* 'подбородок').

Аффикс *-лақ/-лағ, -ләк/-ләг*, характеризующий местность, пространство, местилище или дающий понятие обобщения: *қушлағ* 'становище птиц', *қышлақ* 'зимовье', *сувлағ* 'русло', *тарылағ* 'посевная площадь', *турулағ (йэр)* 'стоянка', *өзләг* 'время', 'период', 'времена'.

Аффикс *-нды/-нди, -нты/-нти*, дающий внутреннюю, имманентную сущность явления: *сүзунди* 'прозрачный' (*сүз-* 'цедить'), *қазынды* 'вскопанный' (*қаз-* 'копать'), *тамынды* 'капельный' (*там-* 'капать'), *көминди* 'выкопанный', 'извлеченный из земли' (*көм-* 'копать'), *сачынды* 'распространенный', 'рассеянный' (*сач-* 'рассеивать'), *қучуунды* 'лук' (*қучуун?*), *сунпурунди* 'мусор' (*сунпур-* 'мести'), *сүрүнду* 'изгнанный', *өзрүнду* 'избранный'.

Аффикс *-эу/-гү, -қу/-кү* имеет в языке памятников двойную значимость. С одной стороны, мы встречаем его в словах, в которых отделение аффикса не дает возможности определить этимогенезис корневой морфемы: *қырағу* 'иней', *тақағу* 'курица'; в других случаях семантика корневой морфемы ощутима: *билэгу* 'брусок', 'точило' (*билэ-* 'точить'), *бошугу* 'свободное время', 'досуг' (*боша-* 'быть свободным'), *қарағу* 'слепец' (*қара-* 'смотреть' *қарақ* 'зрачок'), *буғрағу* 'самец верблюда' (*буғра* 'верблюд' — даже как тотем), *нэгү* 'как', 'каким образом' (*нэ* 'что'), *эдгү* 'добро', 'добрый' (*эд* 'добро', 'имущество'), *ичэгү* 'внутреннее', *күзэнгү* 'слава', *йарғу* 'суд', *үзгү* 'сон', *күзэгү* 'жених', *көзгү* 'зеркало', *битигү* 'тушь', *бойнағу* 'высокомерный'.

Наконец, этот аффикс является активным формантом глагольного имени, выражающего желание, долженствование и предназначенность, производного от многих глагольных основ:

Тапуҗы йаңылса, оқутқу кэрэк,

Нэгүгә йаңылмышны сорөу кэрэк (КБН)

‘Если служитель ошибется, следует [его] позвать,

Следует спросить, почему [возникла] ошибка’.

Йазуқы бар эрсә қыйнау тутуп,

Йоқ эрсә миң әдгун авытөу кэрэк (КБН)

‘Если у него есть грехи, следует задержать и наказать,

Если нет, то нужно успокоить тысячью благ’.

Оқутқу, сорөу, қыйнау, авытөу – активные формы глагольного имени.

Аффикс *-ман/-мэн*, потерявший продуктивность: *кэтмэн* ‘мотыга’ *кузмэн* ‘хлеб, приготовленный на закваске’, *сықман* ‘пора выжимания винограда’, *батман* – мера веса (около 2,5 кг).

Аффикс *-ма/-мэ*, несмотря на его отделимость от корневой морфемы, непродуктивен в словообразовании и исторически дал стабильные номинативные понятия: *сүзмэ* ‘творог (сыворотка)’ (от *сүз-* ‘цедить’), *қатма* ‘слоеный хлеб’ (*қат* ‘ряд’, ‘слой’), *кэсмэ* ‘длинный железный штырь’, *тизмэ* ‘завязка’, ‘ожерелье’, *тузмэ* ‘узел’, ‘пуговица’, *тоғма* ‘рождение’, *тэгмэ* ‘все’, ‘каждое’, *қарышма* ‘враждебность’, ‘неприятнь’.

Аффикс *-җач/-гэч*, *-қач/-кэч* мало продуктивен, слова, образованные им, выражают орудия, инструменты (*қысҗач* ‘клещи’), если они образованы от глагольных основ, или различные специальные названия [*қушқач* ‘воробей’, *сурқач* ‘твердое дерево, из которого делают рукоятки для холодного оружия’, *бускэч* ‘тонкий хлеб’, *сэнкэч* ‘фундук (орех)’], если они образованы от именных основ.

Близким к предыдущему по значению является аффикс *-әуч/-гүч*, *-қуч/-күч*: *бығәуч* ‘ножницы’, *тутәуч* ‘первый завтрак’, ‘закуска’, *йәргүч* ‘деревянный штык для переворачивания хлеба в очаге’, *таләуч* ‘палочка для закручивания веревки при увязке грузов’, *йүсүрәуч* ‘закваска’, *арәуч* ‘обманчивый’, *өрмәгүч* ‘паук’, *сарәүч* ‘косынка’.

Аффикс *-җақ/-гэқ*, *-қақ/-кэқ* образует имена от глагольных и именных основ: *сәйҗақ* ‘расточитель’, *қапҗақ* ‘крышка’, *тарҗақ* ‘коготь’, ‘гребень’, *бутурҗақ* ‘колючее растение’, *сидырҗақ* ‘копыто’, *қудырҗақ*, ‘задняя пола одежды’, *қачқақ* ‘беглец’, *турҗақ*

‘сторожевой пост’, *унутҗақ* ‘забывчивый’, *йапурҗақ* ‘лист’ (*йапур* — РБҖ.), *башҗақ* ‘колос (верхушка)’, *тамҗақ* ‘горло’, *йаңақ* (*йаң* + *ақ*) ‘шека’.

Аффикс *-сы/-си, -су/-сү, -суу/-сук* образует именные понятия от глагольных и именных основ (К. Броккельман возводит этот аффикс к корневой морфеме глагола *сыө-* ‘вмещать’, ‘входить’, ‘соответствовать’ [157]): *товсуу* ‘восход’ (*тов-* ‘подниматься’, ‘восходить’), *батсыө* ‘закход’ (*бат-* ‘погружаться’), *тутсуө* ‘завешание’ (*тут-* ‘держат’), *боөсуу* ‘цепь (тюремная)’ (*боө-* ‘давить’), *арсыө* ‘обман’, ‘обольщение’, *бэсиг* ‘княжеский’, *улуҗсыө* ‘величественный’, ‘мужественный’, *азынсыө* ‘иной’, ‘другого рода’, *көрүрсиг* ‘зоркий’. Видимо, благодаря потере элемента *-ө/-и* к этой этимологии относится и аффикс *-сы/-си*, например: *тутси* ‘курево’, *артуҗсы* ‘избыток’, *туйсу* ‘чувствование’. Возможно, родственным указанному аффиксу является и аффикс *-чыҗ/-чуҗ*, крайне редкий: *сытырчыҗ* ‘самец куропатки’ (по Будагову — ‘сокол’), *туғурчыҗ* ‘росток’, ‘почка’, *бурунчуҗ* ‘головная повязка’.

Аффикс *-чиҗ*, очень редкий: *басынчаҗ* ‘немошный’, *җарынчаҗ* ‘муравей’, *җабырчаҗ* ‘сундук’, ‘гроб’.

Очень редким является аффикс *-саҗ/-сэҗ* (видимо, родственный *-чаҗ*); К. Броккельман обоснованно относит этот аффикс к форманту, выражающему желание, тенденцию в глагольных основах, образованных при помощи двух элементов — *-ә/и* + *-са/сэ*: *кэлигсэҗ* ‘желающий прийти’, *киригсэҗ* ‘желающий войти’, *барыҗсаҗ* ‘стремящийся идти’, *озуөсаҗ* ‘бдительный’, *туөсаҗ* ‘незамужняя женщина’, ‘вдова’, *йухсэҗ* ‘высокий’ (т.е. ‘стремящийся к высоте’), *бағырсаҗ* ‘милостивый’, *толарсаҗ* ‘след ноги’, *тапуөсаҗ* ‘почитатель’, *таңсуҗ* ‘удивительный’, ‘чудесный’.

Непродуктивный аффикс *-м*: *алым* ‘долг’, *ичим* ‘питье’, *йэйим* ‘пища’, *кэзим* ‘одежда’, *бөлүм* ‘часть’, ‘доля’, *йарым* ‘половина’, *өзрүм* ‘избранный’.

Аффикс *-и*: *бүтүн* ‘весь’, ‘целый’, *талан* ‘грабеж’, ‘разбой’, *җыйын* ‘наказание’, ‘мука’, ‘трудный’, *эсин* ‘дуновение’, ‘ветер’, *төкүн* ‘излияние (души)’, *саврун* ‘дар’, ‘подарок’, *йоғун* ‘толстый’, *йозун* (ср. *йоқ*) ‘сведенный на нет’, ‘уничтоженный’, *йашурун* ‘скрытый’.

Аффикс *-ич*, образующий главным образом понятия со значением имманентности явлений, психических состояний, самоодолеющих свойств: *кувэич* ‘гордость’, ‘высокомерие’, *урунч* ‘волнение’, ‘возбуждение’, *сэвич* ‘радость’, *тынч* ‘покой’, *ичч* ‘покой’,

‘покойный’, *йашурунч* ‘скрытность’, ‘скрытый’, ‘сокровенный’, *басынч* ‘подавление’, *кылынч* ‘поступок’.

Как номинативная категория выступают конвертированные глагольные имена, представляющие чаще всего причастные формы на *-ван/-гэн*: *ташырган* ‘засеватель поля’, *казытван* ‘независимый человек’, *бошутван* ‘слабительное’, *кажурган* ‘сдобный хлеб (особый вид)’, *ташурган* ‘рис’, *төрүтгэн* ‘творец’, а также именные образования типа: *сағызган* ‘сорока’, *сычан* ‘мышь’, *тавышган* ‘заяц’, *йалган* ‘ложь’, *кусургэн* ‘крот’ (ср. *кусгэ* ‘мышь’).

Следует отметить конвертированные имена, субстантивированные формы от глагольных основ с аффиксом *-мақ/-мэк*: *кақмақ* ‘ремень’, ‘огниво’, *боғмақ* ‘ожерелье (из драгоценных камней)’, *тармақ* ‘коготь’ (позже – ‘гребень’) и др.

В словарном составе исследуемых произведений, особенно в КБ, много слов, образованных непродуктивным аффиксом *-ғ/-г*: *бақығ* ‘взор’, *қошуғ* ‘стихотворение’ (*қош-* ‘соединять’), *сатығ* ‘продажа’, *бэриғ* ‘дар’, ‘давание’, *йарағ* ‘случай’, *тапуғ* ‘служение’, *сузүғ* ‘прозрачный’, *ағығ* ‘болезнь’, *түнэриғ* ‘мрачный’, ‘могила’, *ошағ* ‘похожий’ и мн.др.

Встречается аффикс *-ға/-гэ*: *ысытға* ‘серьга’, *кичиғэ* ‘затылок’, *көлэгэ(көлэнкэ)* ‘тень’, *өгэ* ‘умный’, ‘мудрый’, *йорыға* ‘иноходец’, *ыниға* ‘плохой’.

Много имен от глагольных и иногда от именных основ образует аффикс *-қ/-к*: *тайақ* ‘опора’, ‘палка’, *тилэк* ‘желание’, ‘просьба’, *кылық* ‘поступок’, *йылақ* ‘плаксивый’, *артуқ* ‘избыточный’, *сақхылуқ* ‘задумчивый’, *буйруқ* ‘приказ’, *йазуқ* ‘грех’, *тирнэк* ‘собрание’, ‘сбор’, *йэк* ‘демон’, *көрк* ‘красивый’, *эрк* ‘мужество’, *йолақ* ‘тропа’, *күчэк* ‘могущественный’, *бөзүк* ‘большой’, *йаруқ* ‘свет’, ‘блеск’.

Можно к формам словообразования добавить очень древний ряд именных образований с элементом *-т*, прибавляемым к глагольным основам: *кэчут* ‘переход’, *қонут* ‘ночлег’, ‘стоянка’, ‘сидение’, ‘место’, *қурут* ‘сыр’, *йанут* ‘ответ’ (т.е. ‘обратное слово’), *басут* ‘помощник’, *артут* ‘дар’, ‘подарок’, *тушэут* ‘соучастник’, ‘спутник’, *орут* ‘светлый’ и т.д.

Аналогичным древним словообразовательным элементом выступает аффикс *-ш*: *тилэш* ‘желание’, *чығыш* ‘расход’, *уруш* ‘бой’, *ошааш* ‘похожий’, *кэңэш* ‘совет’, *арғаш* ‘закливание’, *алғыш* ‘одобрение’, ‘аплодисменты’, *учраш* ‘встреча’ и т.д.

Аффикс *-ру/-ру*, возникший, видимо, из деепричастия: *бутру* 'всецело', 'окончательно' (*бутүрү*), *йашру* (*йашуру*) 'тайно', 'скрытно', *тэтру* 'наоборот', 'напротив' (*тэтүрү*); но, с другой стороны, не является ли это и отыменным образованием с элементом древнего направительного падежа *-ру/-ру* в таких словах, как *кэру* 'просторно', *бэру* 'крепко' (*бэрк* ⇌ *пэрк* ⇌ *пэк* ⇌ *бэк* — МК). К первой этимологии относятся слова *эри* 'кривой' (*эир + и*), *тоэру* 'прямой', 'правильный' (*тоэур- — тоэрул-*).

Общеизвестный аффикс *-э*, соответствующий форманту двойственного числа: *мэүиз* 'щека (щеки)', 'лицо', *эмиз* 'сосцы' (*эми* 'женская грудь'); *аэыз* 'рот (губы)', 'уста', *иккиэ* 'близнецы' (*игиз, игэр*) и, вероятно, *икэр* (⇌ *игэр*) + *ми*, т.е. 'пара десятков' — 'двадцать'; видимо, в результате же ротации возникло и слово *үлкэр* 'плеяды'. К этому же словообразованию относятся формы местоимений *биз* 'мы', *сиз* 'вы'.

Редким аффиксом является формант *-ү*: *нэү* 'вещь', *булуү* 'угол', *отуү* 'топливо'.

Сохраняется в редких случаях древний аффикс множественности, собирательности, который, однако, в памятниках не имеет никакого словоизменительного значения, — *-т*: *бачат* 'сады', *илэт* 'народы', *аимахат* 'племена', *тархат* 'министры', *тегит* 'князья' — и другой крайне редкий аффикс *-н*, например: *зрен* 'мужи', *күңун* 'рабыни', *оэлан* 'сыны'.

Аффикс *-дэм/-тэм*, непродуктивный: *биртэм* 'сразу', 'совершенно', *эрдэм* 'мужество', 'добродетель', *тилдэм* 'красноречие', *эктэм* 'исчезновение' (КБ).

ОБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ

В наших двух работах «Язык орхон-енисейских памятников» и «Древнеуйгурский язык» дано описание многочисленных глагольных основ с различной звуковой структурой. Описание глагольных основ, встречающихся в данных исследуемых памятниках, вызвало бы излишнее повторение уже сказанного о них.

Однако интересно вновь проследить словообразовательные элементы, которые образуют типовые разряды глагольных основ.

Аффиксы *-а/-э*, *-ы/-и*, *-у/-ү*: *бэээ* 'украшать', 'разрисовывать', *кэээ* 'резать', *сүрэ* 'гнать', *сора* 'спрашивать', *тара* 'рассеивать', *буйра* 'приказывать', *боша* 'быть свободным', 'становить'

ся пустым', *кирэ-* 'загрязняться', *кучэ-* 'усиливаться', *йаша-* 'жить', *тунэ-* 'темпеть', *чинэ-* 'подтверждать', 'заверить', *ота-* 'лечить' (от 'трава'), *орна-* 'помещаться', *сэжри-* 'жиреть', *қазы-* 'копать', *тоқы-* 'ударять', 'подковывать', *тарташы-* 'перевозить', *саны-* и *сана-* 'считать', *аэру-* 'заболеть', *байу-* 'богатеть', *тару-* 'сузиться', *киңу-* и *кэңу-* 'расширяться', 'стать просторным'.

Аффикс *-ад/-эд:* *эрэд-* 'возмужать', *улад-* 'увеличиваться', 'становиться большим', 'взрослеть', *қутад-* 'становиться счастливым', 'быть благословенным', *йоқад-* 'исчезать', 'сходить на нет', *муқад-* 'печалиться', 'огорчаться', *билэд-* 'становиться мудрым'.

Аффикс *-ра/-рэ:* *эврэ-* (*звур-*) 'вращать', *тэбрэ-* (*тэврэ-*) 'колебаться', 'двигаться', *сэкрэ-* 'прыгать', *боэра-* 'надрезать' (*боғрахан* – кашгарск.), *тоэра-* 'разрезать', 'разделять'; производные отсюда глаголы с элементом *-т:* *таврат-* 'подгонять', 'ускорять', *қоэрат-* 'уменьшать', *сэврэт-* 'приготовлять'.

Аффикс *-ға/-қа:* *булға-* 'мутить' (*булут* 'облако'; 'губка'), *йалға-* 'лизать', *тарқа-* 'рассеивать', *азға(ш)-* 'заблуждаться' (*азғур-* 'совращать').

Аффикс *-да/-дэ.* Возможно, что в некоторых словах этот аффикс представляет собою, согласно закону звуковых соответствий, вариацию от *-ла/-лэ:* *қымырда-* (*қымырла-*) 'шевелиться', *йолда-* (*йолла-*) 'вести на путь', *алда-* 'обманывать', *арғада-* 'преследовать', *үндэ-* 'звать' и т.д.

Аффикс *-р, -ар/-эр, -ур/-үр* образует от имен глагольные основы, выражающие состояние, имманентное проявление, самодовлеющее свойство: *қарар-* 'чернеть', *сарғар-* (*сарығ + ар-*) 'желтеть', 'бледнеть', *йашар-* 'зеленеть', *қызар-* 'краснеть', *тунэр-* 'темнеть', *эгрур-* 'сгибаться', 'делаться кривым', *қайғур-* 'опечалиться', 'горевать', 'озаботиться', *бэлүр-* 'обозначиться', 'проясниться', *оқар-* 'наладиться', 'улучшиться' и т.д.

Семантическое развитие глагольных основ

В очерке «Древнеуйгурский язык» дано значительное количество сведений о том, как непроизводная основа глагола путем агглютиаций определенных аффиксов меняет свое семантическое содержание в отношении направления действия, его переходности или непереходности и тем определяет грамматическую категорию залога в производной основе глагола.

В целом ряде глаголов путем прибавления словообразовательных аффиксов не только меняется выражение направления действия, но и дается характеристика их смысловых модуляций. Например, при помощи аффикса *-са/-сэ*, добавляемого к основе имени или глагола, выражается желание в исполнении действия, тенденция к его исполнению: *сусса*- 'желать пить', 'жаждать', *көқуісэ*- 'иметь душевную склонность, расположение', *өлүссэ*- 'желать смерти', *көрсэ*- 'желать видеть', *оқыса*- 'желать читать' (иногда 'звать'). В. Банг склонен видеть генезис этого аффикса от глагольной основы *са*- 'считать', 'полагать', 'желать'. В некоторых основах глагола передается симулятивность, словообразующим аффиксом служит формант *-сын/-син*, обычно прибавляемый к именным основам, например: *барымсын*- 'делать вид, что идешь', *кулумсин*- 'улыбаться', *улуғсын*- 'воображать себя великим', *йығламсын*- 'рыдать без слез', 'притворяться плачущим', *ишимсин*- 'как бы дружить' и т.д.

Встречается словообразование с аффиксом *-сир*: *күлсир*- 'улыбаться', 'ухмыляться'.

Первичные глагольные основы, независимо от семантики переходности или непереходности действия, являются основным залогом глагола.

Их морфологическое развитие представляет собою выражение изменений направлений действия в плане его переходности или непереходности, сосредоточенности в самом себе, имманентности, медиальности, каузативности, взаимности и сопутствия и в характеристике градаций переходности и непереходности, которые раскрывают совокупность всех слагаемых, выражающих формирование окончательного действия, выраженного в глагольной основе. Таким образом, глагольная основа может быть сложной в отношении агглютинации залоговых формантов, что требует четкости в понимании исходного смыслового значения глагольной основы.

Так как аффиксальные форманты залога характеризуют направление действия, то всегда необходимо учитывать, что глагольные основы со значением непереходности превращаются в основы с переходным значением: *кэл*- 'приходить' — *кэлүр*-, *кэлтүр*- 'приводить', 'приносить', *тур*- 'стоять' — *турғур*- (*турғуз*-) 'поднимать', 'возбудить', *йит*- 'исчезнуть', 'пропасть' — *йитүр*- (*йитдүр*-) 'потерять', 'утратить'. И глагольные основы с переходным значением при помощи указанных аффиксальных элементов приобретают значение вторичной переходности, причинительности, каузативности, пону-

дительности к действию, фактитивности: *ал-* 'брать' — *алеуз-* 'заставить взять', 'допустить, предоставить и даже просить взять', *хыл-* 'делать' — *хылдур-* 'заставить, побудить, допустить сделать', *оқы-* 'звать', 'читать' — *оқыт-* 'возглашать', 'заставить читать', 'учить' и т.д.

В глагольных основах исследуемых памятников можно проследить следующие образования залогов.

Пассивный, страдательный, залог

В основном аффиксальном показателе *-л/-л*, иногда *-н*, этого залога указана его семантическая сущность, состоящая в том, что грамматическое подлежащее, затронутое действием, испытывает его на себе.

Даже в тех глагольных основах, где первичной основой являются имена, наличествует семантика этого залога: *чагыл-* 'становиться именитым, известным' (*чаг* 'молва', 'слава'), *тусул-* 'быть полезным' (*тус* → *туш* 'польза'), *азыл-* 'уменьшаться' (*аз* 'мало') *түзэл-* 'выздоровливать', 'поправляться', (*түз* 'верный', 'прямой', 'определенный', 'правдивый'), *йоқул-* 'уничтожаться', 'исчезать' (*йоқ* 'отсутствующий').

Семантика пассивного залога наличествует и в глагольных основах, образованных при помощи аффиксов *-сық/-сик*, *-ық/-ик*, например: *урсуқ-* 'быть убитым, пронзенным стрелой', *алсық-* 'быть ограбленным', 'обмануться', *тутсуқ-* 'быть схваченным', *туруқ-* 'ставить себя', 'становиться', *учуқ-* 'прийти к концу', 'отлететь (в иной мир)', *йамаурық-* 'дождить', *тириқ-* 'остаться в живых', *атық-* 'быть названным', 'называться', *эзүк-* 'стать добрым', *бирік-* 'объединяться'.

Каузативный, попутительный, залог

Данный залог имеет довольно разнообразное аффиксальное выражение:

1) аффикс *-т*, прибавляемый к основе основного залога: *олурт-* 'сажать', 'посадить', *ашат-* 'кормить', 'угощать' ('заставить кушать' — от *аша-*), *йуғурт-* 'заставить бежать', *басыт-* 'допустить [себя] подавить';

2) аффикс *-ар/-эр, -ур/-үр (-р)*: *қопар-* 'поднимать' (*қоп*), *тозур-* 'насытить' (*тоз-↔ тод-↔ той-*), *кэзүр-* 'одеть кого-либо' (*кэз-↔ кэд-↔ кэй-*), *кэчүр-* 'провести', 'пропустить' (*кэч-*);

3) аффикс *-з*: *өтүз-* 'провести', *күзүз-* 'охранять', 'беречь', *ақуз-* 'заставить течь', *түтүз-* 'удерживать в границах (дозволенного)', 'приказывать', 'передавать', 'вручать';

4) аффикс *-зар/-гэр, -қар/-кэр* и ротационный вариант *-аз/-гээ, -әуз/-гүз, -қуз/-күз*: *өтгэр-* (и *өткээ-*) 'пропустить', 'провести', *қутқар-* (и *қутқаз-*) 'избавлять', *көргэр-* (*көргүз-, көргээ-*) 'показывать', 'заставить видеть', *зэгэр-* 'улучшать', *суғар-* 'поить', *түтқүз-* 'заставить ловить' и т.д.;

5) аффикс *-дур/-дүр* (вариант *-дуз/-дуз*): *кәлдүр-* 'приводить', 'приносить', *йидүр-* (*йитүр-*) 'накормить', *сындур-* 'сломать', *өлдүр-* 'убить', *көрүндүр-* 'заставить появиться', *алдуз-* 'отдаться' (т.е. 'допустить [себя] взять').

При активном значении глагольной основы, при значении переходности агглютинация аффиксов каузативности, давая значению глагола вторичную переходность, вызывает иногда обратную переходность действия, направляемого на грамматическое подлежащее, субъект действия, например: *алдуз-* 'отдаться' ('заставить взять [себя]) от *ал-* 'взять', *айит-* 'спрашивать' от *ай-* 'говорить', 'беседовать', 'сообщать', *сэвит-* 'быть любимым' от *сэв-* 'любить', глагол *басыт-* приобретает значение 'переключиться на другую сторону' (от *бас-* 'давить', 'подавлять').

Понудительно-каузативный залог может иметь сложную аффиксацию, например: *билгүрт-* 'заставить знать', *өндүрт-* 'вырашивать', 'взрачивать', *тозурт-* 'возводить' и т.д.

Сведения об образовании других залогов читатель найдет в нашей работе «Древнеуйгурский язык» (стр. 30-31).

ИМЕНА

Непроизводные основы имен, а также и производные основы в лексическом плане представляют собою общую категорию «*номен*» («имя») в самом широком значении этого термина, включающего в себя понятия субстантива, адъектива и глагольных имен, в свою очередь дифференцирующихся как субстантивы (*номен action*) и как адъективы (*participium*). Грамматическая дифференциация именных понятий отличается большей изменчивостью и зависит,

как и в древнетюркских языках, от грамматической функции в системе словосочетаний.

Субстантивное понятие как грамматическая категория утрачивает свои грамматические и предметно-семантические признаки в атрибутивной, определительной функции и, наоборот, адъективное понятие вне определительной функции приобретает все грамматические свойства субстантива и семантически эквивалентно предметному понятию. Поэтому морфологические признаки имени (номен) и в памятниках краханидского периода остаются недостаточными, чтобы дифференцировать имена как отдельные, четко выделенные части речи с их специфическими формами словообразования и словоизменения. Тем не менее в семантическом плане можно различать предметные имена и имена качественные, и это создает лексикологическую основу в системе семантических эквивалентов между тюркскими языками и языками других семей. Однако и для грамматической системы тюркских языков караханидской эпохи характерно то, что всякая субстантивация любой именной категории подчиняет ее соответствующим формам морфологического изменения, которые отсутствуют при адъективации имен. Этими формами являются аффиксальные формы падежа, принадлежности и множественного числа. В то же время адъективная и всякая адъективированная категория лишается свойств такого морфологического изменения, т.е. аффиксов падежа и принадлежности, и только в случаях выражения конкретной принадлежности (посессивности) приобретает аффикс притяжательного (традиционный термин: «родительного») падежа или в случае определения, выражающего понятие обобщения, собирательности, коллективности, может иметь аффикс множественного числа, например: *аталар сөзи* 'пословица'. Что же касается так называемого притяжательного (родительного) падежа, то может быть его скорее следовало бы отнести к формам словообразования, чем словоизменения, что подтверждается самими фактами языка в его историческом развитии.

СУБСТАНТИВНАЯ И АДЪЕКТИВНАЯ КАТЕГОРИИ

Число

Субстантивные категории имеют две формы числа: единственного и множественного. Эти две формы являются основными для

всех форм падежного изменения. Форма единственного числа является основой имени в его изолированном, самостоятельном значении. Форма множественного числа *-лар/-лэр* является формой своеобразного словообразования, дающего основу имени со значением понятия множественности, собирательности, абстрактного обобщения и в стилистическом плане – для выражения почтения, уважения, титула или ранга.

Склонение

Основной падеж

Основной (прямой, именительный) падеж представляет основу имени в единственном или множественном числе и не имеет специального аффикса. При выражении релятивных или посессивных отношений между субъектом и объектом или между объектами он приобретает аффикс принадлежности соответствующего грамматического лица.

Бу аезың мэзэли үзүр¹ саны тэи,

Сөзүң чыңса андын сачар даны тэи (КБВ)

‘Изречения твоих уст подобны числу житиц,

Если выйдет из них твое слово, рассеется подобно семени’.

Ол балық йэрни көтэргэн балық эрди (РБҢ) ‘Та рыба была рыбой, поднимающей землю’.

Қызыл сарығ арқшып,

Йипкин йашыл йүзкешип,

Бир бир-кери йөрғешип,

Йалаңуқ аны таңлашур (МК)

‘Красные, желтые [цветы] следуют друг за другом,

Фиалки синим [цветом] выглядывают,

Увиваются друг за другом,

Люди им удивляются’.

Основные падежи имен *қызыл, сарығ, йипкин* (‘фиалка’), *бир, йалаңуқ* являются формами подлежащих.

Второе значение основного падежа – в соответствии винительному аффиксальному падежу, выражающему прямое дополнение.

¹ Ввиду того, что зернохранилища у древних тюрков делались в земле, мы согласны принять толкование В.Е.Радловым слова *үзүр* как ‘вместилище для зерна’, вместо основного значения ‘нора’, ‘пещера’, ‘грот’.

Таким образом, основной падеж в зависимости от его синтаксической функции в предложении выражает подлежащее (субъект действия) или прямое дополнение (объект действия). Необходимо учитывать, что в стихотворной речи очень часто встречаются в памятниках компоненты так называемого определенного объекта в основном падеже с аффиксом принадлежности, но не оформленные аффиксом винительного падежа.

*Эй бэклэр ытанчы сөзүң кизлэ бэрк,
Сөзүң кизлэмэсэ башың барға тэрк* (КБВ)
‘О вы, доверенные беков, крепко запирайте ваше слово,
Если ваше слово не убережете, то скоро должна уйти
ваша голова’.

Форма *барға* представляет усеченный вариант от формы *баргай* настоящего-будущего должностовательного. В обеих строках слово *сөзүң* дано в основном падеже вместо формы *сөзүңни* определенного винительного падежа.

*Сэниң барлыгыңға таңуқлуқ бэрүр
Жумад, жанвар, учқан, йүгүргэн нэңгэ* (АХ)
‘Твоему наличию дают свидетельства
Неживые (материя), живые, летающие и бегающие
существа’.

В первой строке *таңуқлуқ* выражает прямое дополнение в основном падеже.

Винительный падеж

Винительный падеж образуется из основы имени при помощи аффиксов *-ың/-иң*, *-уң/-уң*, *-ы/-и* или же сохраняет свою древнюю форму *-ығ/-иғ*, *-уғ/-уғ*. Древняя форма винительного падежа *-а/-а*, *ығ/-иғ*, *-уғ/уғ* в исследуемых памятниках еще довольно употребительна, хотя заметно, что она начинает уступать указанной выше форме.

*Баят аты бирлэ сөзүг башладым,
Төрүткэн, игидкэн, кэчүргэн идим* (КБН)
‘С именем бога я начал слово,
Мой господь, создавший [меня], возвысивший и
ведущий [меня]’.

Ол сөзүг аның кулаққа чаңды (МК) ‘То слово он заставил слушать’.

Аффиксы винительного падежа *-ын/-ин, -ун/-үн* всегда употребляются после аффиксов принадлежности,

*Улуу күндө көркит оларың йуэин,
Элик туттачы қылығыл эдйү сөзин* (КБН)

‘В великий день покажи [нам] их лик

И их добрые слова сделай руководящими [для нас]’.

Йу э-ин, сөз-ин — аффикс винительного падежа после аффикса принадлежности. В остальных случаях употребляется аффикс *-ны/-ни*, например: *Көрмэдүк йэрни көрдүм* (РБҒ.) ‘Я видел место, которое [никто] не видел’; *Мэн билдүкүмни сиз билсэ эрдиқиз* (РБҒ.) ‘Если бы вы знали, сколько познал я’.

*Эл эр билсэ Кашгар тилин һэр киши,
Билур ол Адибниқэ ким аймышы* (АХ)
‘Если каждый будет знать кашгарский язык,
Он познает, о чем повествует Адиб’.

*Тарылық тип аймыш ажуни (ачунни) рэсул
Тарылықта қатлан тары эдйүлүк* (ЛХ)
‘Пророк говорил, что мир есть нива,
На ниве старайся, сей добро’.

Йырақ йер савын (вин. пад.) *арқын кэдүрүр* (МК) ‘Слово (сведения) о далекой земле доставляет караван’.

Иногда при однородных членах, прямых дополнениях, оформляется аффиксом винительного падежа только заключительный компонент.

*Бақа көрди Элик қамуғ турлүгүн
Түгэл билди билги уқушы өгүн* (КБН)
‘Посмотрел Элик на всю его многогранность (разнообразие)
И целиком познал его знание, понимание и мышление’.

Композиция *билги, уқушы, өгүн* оформлена аффиксально только в последнем члене.

В памятниках «Тэшхис ул-иясан», «Тээкэрэ-и эвлийэ» и «Мираж-нам» винительный падеж имеет только формы *-(и)н* и *-ны/-ни* для обозначения определенного объекта.

Бу сөзни ишиткэч, тэһарэт қылайын тэн қоптум эрсэ, Жэбраил ичмақтақы Кэусэр сүйидин бир қызыл йақут эбтабэ билэ су кэ-турди (МН) ‘Как только я услышал эти слова и сразу встал с желанием совершить омовение, Гавриил принес воды красным рубиновым кубшином из райского источника (букв. воды) Каусер’ (Слово

эфтабэ передано в арабском письме как эбтабэ, что показывает произношение спиранта ф как смычного звонкого б).

Ол тэһарэт қылан сувны Жэбраил өз қанатларыға төкті (МН)
‘Ту воду, которой [я] совершил омовение, Гавриил полил на свои крылья’.

Ҳасан Басри эйтти: «Ол шэрбэтни ким ким биз fullэрни үчүн йасап турурбиз қарынчақның, бөзғыа қойса болмаз (ТЭ) ‘Хасан Басри сказал: «Тот напиток, который мы приготовили для слонов, вмести́ть в горло муравья невозможно’.

Йана сордылар: «Ким бу ишлэрни бөзғучы нэ нэмэ турур?» – эйтти: «Тэмэ» (ТЭ) ‘Опять спросили: «Что является разрушающим эти дела?» – Ответил: «Вожделение’.

Йана бир кишини көрдүм; Жэбраил эйтти бу адам пэйғэмбэр турур (ТИ) ‘Увидел еще одного человека, Гавриил сообщил, что этот человек пророк’.

Эртэ Арун пэйғэмбэр, Лот пэйғэмбэрни көрдүм (ТИ) ‘Наутро увидел пророка Аарона, пророка Лота’.

Комитативно-инструментальный падеж

Сравнительно с древним значением этого падежа, когда он был орудно-творительным падежом (например: элиги санчты ‘рукой заколот’) и имел аффикс -н, -ын/-ин, в исследуемых памятниках он теряет свои морфологические свойства как словоизменятельная категория, лексикализуется и служит главным образом для выражения обстоятельственно-временных значений. Примеры употребления данного падежа как орудно-творительного довольно редки:

Қурмыш кириш түгүлмэс,
Уқруқун тағ эгилмэс (МК)
‘Натянутая тетива не завязывается,
Арканом гора не согнется’.

В другом примере из МК имеем обстоятельственно-временное значение падежа:

Ол қар қамығ қышын инэр,
Ашлық тарығ анын өнэр (МК)
‘Тот снег целиком зимой осаждается,
Хлеба, просо благодаря ему произрастают’.

В этом примере анын ‘им’, ‘благодаря ему’ и қышын ‘зимой’ выражены аффиксально в одном падеже, но семантика их дифференцирована.

Күнүн йэмэди, көр, түнүн йатмады (КВВ) 'Днем не ел, учти (букв. гляди), ночью не ложился'.

Бирин кэлсэ раһат, кэлүр рэнж онун (АХ) 'Если наслаждение приходит по одиночке, то огорчение приходит десятками'.

Мэн өз көзүн көрдүм (РБҮ) 'Я видел своими глазами'.

Нам хочется высказать предположение, возвращаясь к древнетюркским памятникам, что столь редкие в них деепричастия, как *тийин* 'говоря', *ийин* 'следуя', *сайин* 'считая' (*йэр сайин* 'по странам'), видимо, имеют в аффиксе *-ин* аналогию, а может быть, и эквивалент, аффиксу орудно-творительного падежа.

Чем дальше отступает семантика формы орудно-творительного падежа, тем больше данная форма лексикализуется как монолитная категория наречия и аффикс *-н*, *-ын/-ин* теряет свое морфологическое свойство как элемент склонения.

Көрүрдэ өзүңни көйүрмэ күчүн! (КВВ) 'При созерцании не сжигай себя насильно'. Вместо этого аффикса все более часто выражение орудности и комитативности осуществляется при помощи послелога *бирлэ, бирлэн* (позже *билэ, билэн*) в сочетании с ведущим словом.

Шаһым мэдһи бирлэ бэээйин китаб,

Охылы кишиниң сэвинсүн жаны (АХ)

'Прославлением шаха я украшу книгу,

Пусть радуется душа читающего человека'.

Өзүм қайда болса камүч арзулар,

Мэниң бирлэ йүгрүр мэнкэ улар (КВВ)

'Где я сам — там и все желания

Бегут вместе со мною и со мной неразлучны
(букв. соединяются)'.

Такую послеложную форму орудно-творительного падежа в обилии можно наблюдать в «Қыссас эл-энбийэ», «Мираж-намэ», «Тэшхис ул-инсан» и «Тээкэрэ-и эвлийэ».

Дательный падеж

Образуется от основы имени при помощи аффикса *-қа/-кэ, -ға/-гэ*. После аффикса принадлежности 3-го лица *-ын/-ин, -сын/-син* образуется диффузный звук *ң* — *қа/-қэ*. Однако в «Қыссас эл-энбийэ» аффиксальный элемент *н* иногда совершенно опускается.

Основное значение дательного падежа: выражение направленности к чему-то или для чего-то.

Бу ажун ма көрмэккэ көркүгү ташы

Велекин ичиндэ түмэн нашошы (АХ)

‘И также при взгляде (букв. ко взгляду) на этот мир –
его внешность прекрасна,
Однако внутри его десятки тысяч неприятностей’.

Эгилмээ көңүлүни аңы эр эгэр

Тэбилмээ мураджа аңы эр тэгэр (АХ)

‘Несгибаемое сердце щедрый человек согнет,
К недостижимому желанию щедрый человек дойдет
(букв. коснется)’.

Кызыл тил қара башга йаблақ йағы (КБВ)

‘Красный язык черной голове зловердный враг’.

Киши эдин элэ сөз йатқу болур

Битик болмаса тил нэч сөзлэйур (КБВ)

‘Человек из страны в страну может разослать слова,
Но если не будет писать, сколько может сказать язык
(букв. сказывает)’.

Тағ тағқа қавушмас, киши кишигэ қавушур (МК) ‘Гора с горой
не сходится, человек с человеком сходится’.

*Ол ишик сақлаган фириштэгэ мисэллик йэтти түмэн фириштэ
көрдүм (ТИ)* ‘Я увидел семьдесят тысяч ангелов, подобных ангелу,
охранявшему ту дверь’.

*Шэйх হাসан Басри бир һэфтэдэ бир күн өзэ айитип элэ пэнд
бэрур эрди (ТЭ)* ‘Шейх Хасан Басри как-то в один из дней недели
произносил поучение и народу давал наставление’; *Йитти: «Дунйаның
һэр нимэсигэ мэшеул болсаң, ахыратның көп нимэсигэ зийан қыл-
сай» (ТЭ)* ‘Сказал: «Если ты занимаешься всем мирским, ты на-
несешь вред многому потустороннего мира»’.

Употребление глухих вариантов аффиксов *-қа/-кэ* в гератских
памятниках встречается часто и после конечного звонкого и даже
гласного: *Тэури та’аланың суйурғалларықа мүшэррэф болғыл (МН)*
‘Стань достойным милостей всевышнего’; *Йана ҳоп дуалар оқуп
нардбанқа чыңын эмгексиз көккэ йавуқ йэттим эрсэ, бир улук тэ-
ңиз көрдүм (МН)* ‘Опять прочитав много молитв, как только я под-
нялся на лестницу и без труда приблизился к небу, я увидел вели-
кое море’.

Иногда встречается аффиксация дательного падежа с форман-
том *-а/-э* (огузская форма падежа), например: *атама ошаш (МК)*

‘похожий на моего отца’; *Йусуф ас-сэламини көрмэкэ Мисрэ рэванэ алды* (РБҖ) ‘Чтобы увидеть Иосифа (да будет с ним мир), принял путешествие в Египет’.

Направительный падеж

Аффикс направительного падежа *-жару/-гэру; -жэру/-кэру*, имевший большое распространение в орхоно-енисейских и древнеуйгурских памятниках, уже редко встречается как словоизменительный формант в караханидских памятниках.

Йагыжару кириш журды (МК) ‘Он натянул тетиву на врага (в направлении врага)’; *Тэңригэру тапгыш өтэди* (МК) ‘Он совершал служение божеству’.

Обычно встречается в лексикализованных наречных образованиях типа *йоқару* ‘вверх’, *ичкэру* ‘внутри’, *ташқару* ‘вне’.

Совершенно особая усеченная форма аффикса наблюдается в местоимениях: *муқар* (*мун+жару*), *ақар* (*ан+жару*) ‘этому’, ‘тому’ и т.д.

Функции направительного падежа в гератских произведениях принял на себя дательный падеж с аффиксами *-қа/-кэ, -жа/-гэ*.

Местный падеж

Аффикс местного падежа *-да/-дэ, -та/-тэ* в исследуемых караханидских памятниках еще продолжает хранить двойственное значение — локатива и аблатива.

Битиктэ хат уз болса ачылуз көңүл,

Оқығу кэлир бақса абынур көңүл (КВВ)

‘Если в писании почерк будет искусным, радуется (открывается) сердце’,

Приходят читать, смотрят, и утешается сердце’.

Йэмэ йақшы аймыш бөгү билги кэң,

Ажунда чавуқмыш азы эли кэң (КЕК)

‘Также прекрасно говорил тот герой, знания

которого обширны,

Прославленный в мире своими дарами и щедрой рукой’.

Бу күн бу ажунда кишилик исиз,

Қаны қанча барды кишилик исиз (АХ)

Сегодня в этом мире человечество дурное
Где, куда бы ни пошел, человечество недоброе
(*исиз=эдсиз*)’.

Ол адаада Сөмдун атлыа бир див вар (РБҒ) ‘На том острове был див по имени Сөмдун’.

В аблативном значении эта форма встречается довольно часто.

*Тириклик төкэли төкэл үч кун ол,
Аныада наруаы нэчэ түш тун ол* (КВВ)
‘Вся жизнь всего навсего три дня,
Кроме того несколько полдней и ночей’.

*Қылыч қан тамуса бэгү эл алыр,
Қаламда қара тамса алтун кэлир* (КВВ)
‘Если меч проливает кровь, богатырь завоевывает народ,
Если из пера по капле сочатся чернила, то золото
стекается (букв. приходит)’.

*Нэчэ алим эрди, нэчэ фэйләсуф,
Қаны бу кун олар миқиндэ бири* (АХ)
‘Сколько было ученых, сколько философов,
Где они теперь [хоть] один из тысячи’.

В гератских памятниках в противоположность караханидским местный падеж моносемантичен и значения аблативности не имеет. (Для передачи аблативности стабилизировался только исходный падеж, который имеет то же значение в караханидских и хорезмском памятниках.)

*Йана хэр бир чадырда элик түмэн фириштэлэр на’эт қылыр эр-
дилэр* (ТИ) ‘Также в каждом шатре пятьдесят тысяч ангелов выражали повиновение’ (или ‘исполняли служение’); *Йана бағлар ичиндэ бир көшк көрдүм, көп һурлар ол бағ ичиндэ күлэ ойнайу йүрүр эр-
дилэр* (ТИ) ‘И опять внутри садов увидел павильон, много гурий в том саду расхаживали, смеясь и танцую’;

Қопун бақтым эрсэ, бир пардбан көрдүм бир учы йэрдэ, бир учы көктэ (МН) ‘Как только я встал и взглянул, увидел некую лестницу, один конец которой на земле, другой конец на небе’; *Тамуқиың ишикиндэ бир йэрдэ бир нэчэ табутлар көрдүм, ичиндэ йыланлар, чайанлар чықты, кирип йүрүр эрдилэр* (МН) ‘При вратах ада в одном месте я видел несколько гробов, внутри их выходили и входили непрерывно (йүрүр эрдилэр) змеи и скорпионы’; *Билги чим бу китапта барча машаихлар сөзи турур* (ТЭ) ‘Знай, что в этой

книге слова всех шейхов'; (Мохаммед Васы) тағы шэри'атта, тариқатта кэмил эрти, йана рийасатта антақ эрти, ким журуқ экмэки сувқа йэтитип йэр эрти (ТЭ) ' (Мохаммед Васы) также в шариате, в исполнении духовной жизни был совершенным, а также в исполнении духовных правил был таков, что сухой хлеб окунал (букв. заставлял доходить) в воду и ел'.

Исходный падеж

Исходный падеж хранит характерный главным образом для древнеуйгурского языка формант *-дын/-дин, -тын/-тин*.

Ол ол ким тэкэббурни йирдин чалып

Тэвази'ни бэрк тут йапуш кэд аңа (АХ)

'То [слово] таково, что заносчивость от земли отруби, Скромность крепко держи и очень к ней привяжись'.

Сэницүдин өтэлсү маңа сөз таңы,

Мэницүдин өтэлсү саңа сөз хаңы (КВВ)

'Пусть тобою для меня еще будет выполнено слово, А от меня пусть тебе будет награда за слово'.

Йалвачтын этилүр қамуз түрлүк иш,

Йалвачтын артар тэлим көрклүк иш (КВВ)

'Посланником совершаются все различные дела, Посланником завершается множество прекрасных дел'.

Сэн өк бил нэгү қылғу эрсэ бу иш,

Тилэмэ бу ишкэ мэницүдин кэңэш (КВВ)

'Ты сам знай, как следует поступать с этим делом, Не проси в этом деле от меня совета'.

Примечание. В памятниках часто встречается форма двойного падежа при местоимениях: аффикс притяжательного падежа в соединении с аффиксами пространственных падежей. Это явление логично по своему смысловому содержанию и объясняется тем, что объект, фигурирующий в словосочетании, является как бы персональной принадлежностью его обладателя или имеет к нему непосредственное отношение: *Мэницүдин кэңэш тилэмэ*. 'Не спрашивай у меня совета' (ибо этот совет является моим по существу).

Көздин йыраса, көңүлдин йэмэ йырап (МК) 'С глаз долой, из сердца вон!' (букв. 'Если от глаза удаляется, также и от сердца удаляется'); *Киши аласы ичтин, йылғу аласы таштын (МК)* 'Пестро-

та человека изнутри, пестрота животного снаружи»; «*Malā tē'zladin nē tulēdiqā*» — Сулейман айды; «*Андаа нэлук тулэдим ким мэндин өзгэ ким эрсэдэ болмасун*» (РБГ) «Что ты просил у бога?» — Сулейман сказал: «Я таким образом просил, чтобы кроме меня ни у кого не было»; *Лот айды*: «*Мэн сэндин нэрсэ тулэмэсэн. Идм маца мал бэрип турур, амма сэн иман кэлтүр бу фаһишэ ишлэрдүн қайт*» (РБГ) «Лот сказал: «Я у тебя ничего не прошу. Мой господин мне дал имущество, но ты прояви веру и от этих скверных дел отвратись»».

В словаре Махмуда Кашгарского также встречается аффиксальная форма *-дан/-дэн*, например: *билэмши кишидэн ийи* «лучше чем человек, лишенный знания»; *Ол мэндэн өқдүн барды* «Он шел впереди меня».

Значение и функции исходного падежа, имеющего аффикс *-тын/-тин, -дын/-дин* в гератских памятниках совершенно аналогичны таковым в современных тюркских языках.

Аның тэгрэсиндэ алтундын, күмүштин, йаоут, сапир инчүдин сув ичмэк үчүн машрабалар, айақлар бар турур, һэр ким ол сувдын бир қатла ичсэ, йана һэргэз сувсамай (ТИ) «Вокруг них (звезд), чтобы испить воды, имеются сосуды и чаши из золота, серебра, рубина, сапфира и жемчуга. Всякий, кто хоть раз напьется той воды, никогда опять не испытает жажды»; *Бурақ атлық бир жанвар кэлтурдилэр. Эйэрлик йүгэн эрди: қачырдын кичикрэк, ишэктин улуқрақ, йүзи адами киши дэк, қуйруғы айақлары тэвэгэ охшар эрди* (МН) «Привели животное по имени Бурак. Оно было оседлано и взнуздано: поменьше мула, побольше осла, лицо как человеческое, а хвост и ноги похожи на верблюжь»; *Эйэри йэшил зомороддын, чакилқари инжүдин, үзэүси фирүзэдин* (МН) «Седло ее из зеленого изумруда, подпруга из жемчуга, стремя из бирюзы»; *Тақы һэч ким эрсэдин тэмэ' тутмағыл мунтае қылсақ бинийаз болқайсэн* (ТЭ) «И еще никому не завидуй, если так будешь поступать, будешь без нужды»; *Эй Малик, тили сақламақ малы сақламақтың қатықрақ эргэй...* (ТЭ) «О царь, язык держать (букв. беречь) будет труднее оберегания имущества».

Приравнительный падеж

Эта очень древняя форма с аффиксом *-ча/-чэ* в указанных памятниках редко встречается как форма словоизменения и уже по существу представляет форму словообразования.

Некоторые образования с этим аффиксом являются вполне лексикализовавшимися: *қанча* 'сколько', 'как', 'куда'; *барча* 'все', 'сколько ни есть', *нэчэ* 'сколько'.

Өкүз азыңы болғынча бузағы башы болса йи (МК) 'Чем быть ногою быка, лучше быть головою теленка'; *уганча тэлим қылды* (МК) 'сделал по мере возможности [много]'; *йақанча болмақ* (КВВ) 'быть как слон'; *солча кэлмэк* (КВВ) 'приходить с левой стороны'; *тилэкчэ турмақ* (КВВ) 'стоять согласно желанию'; *мэниңчэ* 'моему'.

Притяжательный (родительный) падеж

Он образуется из основы имени присоединением аффикса *-ның*, который очень редко гармонируется по лабиальной аттракции. Категория притяжательного падежа неотделима от категории принадлежности и всегда выражает посессивные отношения между предметами и лицами: слово в посессивном падеже находится в качестве определения в препозиции к определяемому (нарушения в порядке возможны в поэтической речи).

Определение и определяемое в качестве словосочетания образуют так называемый посессивный изафет, представляющий собою композицию субстантивов или субстантивированных категорий, при которых компонент — определение аффиксируется в притяжательном падеже, а определяемое приобретает аффикс принадлежности 3-го лица. Когда определение выражено местоимением 1-го или 2-го лица, определяемое приобретает аффикс принадлежности соответствующего лица.

Мэниң қылқым эрди бу көркүттүкүм (КВН) 'То, что я проявил, [и] был мой характер (поступок)'; *Лотның атасы Нарун, аның атасы Тарэх, Ибраһимнің қарындашы оғлы эрди* (РБҒ) 'Отец Лота Харун, его отец Тарех, он был сын брата Ибрагима' (при однородности посессивных определений аффикс падежа *-ның* часто опускается: вместо *Ибраһимнің қарындашының оғлы — қарындашы оғлы*); *Мэниң сөзүм тутсаңыз эрди, сизлэргэ бу эмгэк тигмэгэй эрди* (РБҒ) 'Если бы вы придерживались моего совета (букв. моего слова), то вас не коснулось бы это страдание'; *Мэниң халқымны мэдин өзгэ ким қонуқлай алу* (РБҒ) 'Кроме меня кто может угостить мой народ'.

Жэбраил зейитти: «Адамның оң йанынта энбийэ, Зелийэлэр мумин қулларның эраһы турур» (ТИ)

‘Гавриил сказал: « По правую сторону от человека
Стоят пороки, святые, духи правоверных рабов»’.

*Ол вақт ким барча экиң көңил э муһэббэт оты түшүп, барча
элэр көзидин йаш ақар башлағанда Насан Басри рабий’аға бақып
эйтүр эрди...* (ТЭ) ‘В то время как в сердца всего народа сниско-
дила любовь и начинали из глаз всего народа литься слезы, Хасан
Басри, обращаясь к господу, произносил...’

Категория принадлежности

Форманты категории принадлежности являются аффиксами сло-
воизменения и выступают для выражения релятивных или посес-
сивных отношений в определительных словосочетаниях. Аффиксы
принадлежности (1-го, 2-го и 3-го лица единственного и множест-
венного числа) присоединяются к основе имени. Аффиксы падежей
следуют за аффиксами принадлежности.

После основы с гласным в ауслауте употребляются для 1-го ли-
ца аффикс *-м* (мн.ч. *-мыз/-миз*), для 2-го — *-ң* (мн.ч. *-ңыз/-ңыз*),
для 3-го — *-сы/-си*.

После основы с согласным в ауслауте между основой имени и
аффиксом 1-го и 2-го лица появляется вставное *-ы/-и*. Губной син-
гармонизм не всегда распространяется на последний слог слова (и
поэтому не затрагивает гласного аффикса). Аффикс принадлежно-
сти 3-го лица после основы на согласный — *-ы/-и*. Перед падежным
аффиксом в аффиксе принадлежности 3-го лица обычно возникает
рудиментарный *-и-*.

Көзүм йашы савруқып қозы ақар

Билип ажуң эмгегин түкэл уқар (МК)

‘Слеза моего глаза, разливаясь, стекает вниз,
Познавая, полностью понимает он страдание мира’.

Баралы тэмэкмэ адын йоқ сөзүм

Нэтэи айғу: барма-тэйу, ай тузүм (КБВ)

‘У меня нет другого слова, как только [сказать]:
«пошли!»

О мой справедливый, как я скажу: «не ходи»’.

Сөзиңни эшитти эшиткил сөзүм (КБВ)

‘Слышал твою речь, послушай мое слово’.

Өзүң дунйа сөзмиш нышаны бу ол (КБВ)

‘Это знак того, что ты сам возлюбил мир’.

Уның баһ шышындын булып устанур,
Бу сөзни бүтүн чин тутар душманы (АХ)
‘От его благодати смущаются облака,
Все враги его признают истинным это слово’.

Нэ ким кэлсэ эркэ тилиндин кэлур,
Тилиндин эдгү ким исиз (эсиз) болур (АХ)
‘Все что приходит к человеку, приходит от его языка.
От его языка бывает и хорошо, и плохо’.

Җэбраил айды: «Эй Лот, сэн эдин чихеыл эвгүк эриңни алаач
(РБҖ) ‘Гавриил сказал: «О Лот, ты выходи из страны, взяв своих
(букв. твоих) домашних»’; *Айды: «Учар қушларға һүкм қылды, башым*
үзә көләгә қылулар» (РБҖ) ‘Сказал: «Я приказал пернатым, они над
моей головою создают тень»’; *«Халайық бирдирлер, ким аның кыммә-*
ти йоқ, мүлк учмах мүлки турур, кимәрсә аның. Қыммәтини бил-
мәс», — қарынчақ айды (РБҖ) ‘Люди знают, что его (камня) цены
нет (т.е. огромная ценность). Богатство стоит богатства рая. Никто
его цены знать не может», — сказал муравей [Сулейману]’.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

В памятниках караханидского периода почти не сохранились формы имен числительных древней фазы, и их дальнейшее развитие, которое мы прослеживали в хоремзийских и гератских памятниках, уже знаменует собою формы и аффиксальную структуру, близкую к фазе развития современных тюркских языков.

Количественные числительные

Те конкретные имена, которые мы встречали в текстах, представляют собою обычную систему количественных числительных, бытующих по сей день в литературных языках тюркских народов. Выборочные примеры иллюстрируют это.

бир ‘один’
ики, икки ‘два’
үч ‘три’
төрт ‘четыре’
беш ‘пять’
алты ‘шесть’

йэг эрми, йигирми ‘двадцать’
отуз, отуз ‘тридцать’
қырқ ‘сорок’
эллик ‘пятьдесят’
алтмыш ‘шестьдесят’
йетмиш ‘семьдесят’

йэtti, йэти 'семь'

сэkkиз, сэкиз 'восемь'

тоххуз, тохуз 'девять'

он 'десять'

он бир 'одиннадцать'

он уч 'тринадцать' и т.д.

сэксэн 'восемьдесят'

тохсан 'девяносто'

йуз 'сто',

миц 'тысяча',

тумэн 'десять тысяч'.

Порядковые числительные

В текстах всех шести исследуемых памятников порядковые числительные образуются аффиксом *-нч* и *-нчи*; в гератских памятниках преобладает аффикс *-нчи*.

Разделительные числительные

Такие имена образуются аффиксом *-ар/-эр* (*бирэр* 'по одному', *учэр* 'по три', *онар* 'по десяти'), но числительные с гласным в ауслауте – аффиксом *-шэр*: *ик(к)ишэр* 'по два'; *йэttiшэр* 'по семи'.

Соединительные числительные

Они образуются аффиксом *-агу/-эгу* из основы количественных числительных, например: *бирэгу* 'воедино', 'вкупе', *икэгу* 'вдвоем', *хаммагу* 'все вместе', 'всего', 'совокупно' и т.д.

МЕСТОИМЕНИЕ

Личные местоимения

Единственное число

	1-е лицо	2-е лицо
Осн. пад.	<i>мэн</i>	<i>сэн</i>
Вин. пад.	<i>мэни</i>	<i>сэни</i>
Дат.- напр. пад.	<i>маца, мацар</i>	<i>саца, сацар</i>
Местн.пад. (и ablativ)	<i>мэницдэ</i>	<i>сэницдэ</i>
Исх. пад.	<i>мэндин, мэницдин</i>	<i>сэндин, сэницдин</i>
Притяж. (род.) пад.	<i>мэниц</i>	<i>сэниц</i>

Среди личных и указательных местоимений встречается соединение двух падежных аффиксов — притяжательного и косвенного падежа:

*Сэниңдин өтэлсү маңа сөз таңы,
Мэниңдин өтэлсү саңа сөз һаңы* (КБВ)
‘Пусть для меня будет выполнено твое слово [тобою],
Выполнена мною пусть тебе будет награда [моя]’.

*Битип қодмаса эрди билгэ бөгү,
Бизиңдэ озатые ким эрди тэгү* (КБВ)
‘Если бы мудрый герой не оставил писание,
[То] кто мог бы сказать (видимо, ‘необходимое’ — В.Н.)
прежде нас’.

Множественное число

	1-е лицо	2-е лицо
Осн. пад.	<i>биз, бизлэр</i>	<i>сиз, сизлэр, сизлэр</i>
Вин. пад.	<i>бизни</i>	<i>сизни</i>
Дат.-напр. пад.	<i>бизгэ, бизиңгэ, бизиңгэ</i>	<i>сизгэ, сизиңгэ, сизиңгэ, сизлэркэ</i>
Местн. пад. (и ablativ)	<i>биздэ, бизиңдэ</i>	<i>сиздэ</i>
Исх. пад.	<i>биздин</i>	<i>сиздин</i>
Притяж. (род.) пад.	<i>бизниң, бизиң</i>	<i>сизниң, сизиң, сиз- лэриң</i>

У Махмуда Кашгарского встречается форма инструментального падежа: *мэнин йаврамаң* ‘стать сильным мною (благодаря мне)’.

Указательные местоимения

Единственное число

Осн. пад.	<i>бу, муну</i> ‘этот’	<i>о, ол, ону</i> ‘тот’, ‘он’, ‘онный’
Вин. пад.	<i>мунь</i>	<i>аны</i>
Дат.-напр. пад.	<i>муңа, муңар</i>	<i>аңа, аңар, аңа</i>
Местн. пад. (и ablativ)	<i>мунда, бунда мунуңда</i>	<i>анда, аныңда</i>
Исх. пад.	<i>мундан, мундин</i>	<i>андын, аныңдын</i>
Притяж. (род.) пад.	<i>муньың</i>	<i>аның</i>

Множественное число

Осн. пад.	<i>булар, мунлар</i>	<i>олар, анлар.</i>
Вин. пад.	<i>буларны, мун- ларны</i>	<i>оларны, анларны</i>
Дат.-напр. пад.	<i>буларға</i>	<i>оларға, анларға</i>
Местн. пад.	<i>буларда, мун- ларда</i>	<i>оларда, анларда</i>
Исх. пад.	<i>булардын, мун- лардын</i>	<i>олардын, анлар- дын</i>
Притяж. (род.) пад.	<i>буларның, мун- ларның</i>	<i>оларның, анлар- ның</i>

Встречается указательное местоимение *ош, уш (шу), шубу, ушбу* 'этот', 'тот'.

Вопросительные местоимения

ким? 'кто?', *нэ?* 'что?', *нэлэр?* 'что?', *кимниң?* 'чей?', *нэмэ?*, *нимэ?* 'что?'

От местоимения *нэ?* образуются путем аффиксации производные вопросительные местоимения: *нэчэ?* 'сколько?', *нэчэн?* (-*нэчэнд*) 'сколько?', *нэчүк?* 'как?', 'каким образом?' (*нэчүкдин* 'оттого что', 'так как'), *нэлүк?* 'как?', 'почему?', *нэчү?* 'как?', 'каким образом?', *нэчү/үк?* 'как?', 'каким образом?', *нэлик?* 'как?', *нэтэг?* 'как что?', 'подобно чему?', *қайу?* (*қану*) 'который?' (-*қайусы* 'кто-либо'), *қачан?* (*қай чаетын*) 'когда?', *қанча?* 'сколько?', 'куда?' [*қанча барурсэн?* (РБҖ) 'куда идешь?'].

Вопросительный элемент *қай* > *қа* создал ряд производных местоимений-наречий: *қанда* (*қа-нэ-дэ*) 'где', *қандын* 'откуда', *қайуда* 'где', 'куда', *қайудын* 'откуда'.

Возвратные местоимения

өз 'сам', *кэндү* (*кэнтү*) 'сам'.

Неопределенные местоимения

кимэрсэ 'некто' (*ким + эрсэ*), *кимсэ* 'некто' (*ким + эсэ*), *нэким* 'что за', *нэрсэ* 'некто' (*нэ + эрсэ*), *өзіз* 'другой', 'иной', *ба'зы* (араб.) 'некоторый', *бири бири* 'друг с другом', *һэр* (иран.) 'каждый', *һэч, һич* (иран.) 'никакой'.

Обобщающие местоимения

қаму 'весь', *барча* 'все', 'сколько ни есть', *барча эрсэ* 'все', 'сколько ни есть' (*нэчэ* 'многие', 'несколько').

ГЛАГОЛ

Неличные формы глагола

Деепричастия

В исследуемых памятниках деепричастие выполняет свою основную синтаксическую роль в их грамматическом строе и даже становится грамматическим компонентом определенных форм, которые не представлены в орхоно-енисейских и древнеуйгурских памятниках. Оно встречается в системе слитного и сложного предложения, являясь грамматическим эквивалентом *verbum finitum*, может, употребляясь препозитивно к *verbum finitum*, расширять и уточнять его предикативные признаки. Оно образует с формантами спряжения спрягаемые формы *verbum finitum*, обладающие различными значениями времени. В препозиции со вспомогательными глаголами оно образует категорию вида. В отдельных случаях некоторые вспомогательные глаголы становятся формантами для образования монолитных спрягаемых форм с определенным значением времени (см. нашу работу «Древнеуйгурский язык», стр. 48).

Слитное деепричастие

Слитное деепричастие, выражая обычно предикативный признак основного глагольного понятия, неотделимо от его лексического содержания, которое оно дополняет, развивает и уточняет.

Формантами слитного деепричастия являются аффиксы *-а/-э* и *-у/-ү*:

Бақұыл аңар эзүлүкүн ағзын күлэ (КБВ) 'Погляди на него милостиво', смеясь устами'; *Ақуы эр билігни йэтэ билди, көр* (АХ) 'Гляди: щедрый муж смог достигнуть познания'; *Түклэри уча қопты* (РБҒ) 'Волоски у него встали дыбом'; *Сақынч қозы кизлэй тун күн билэ сэвинэлим* (КБВ) 'Давайте радоваться и ночью и днем, скрывая глубоко (*қозы* 'внизу') думы'; *Қавуш айды: «Мэн ол, мэн бу ишни қылу билмэсмэн»* (РБҒ) 'Кавуш сказал: «Я [вот] тот, я это дело не смогу делать»'; *Нэгин тутар бэклэйү өзи йэмэс. Саранлықын йычлайу алтун йычар* (МК) 'Вещи взаперти держит, а сам не ест. От жадности плачет [о вещах], а золото накапливает'.

Соединительное деепричастие

Соединительное деепричастие представляет собою главным образом компонент слитного и сложного предложения, в структуре которых оно является эквивалентом *verbum finitum*, заменяя его в чередующихся предикативных членах.

В текстах памятников наряду с основной формой этого деепричастия, образованного от глагольной основы при помощи аффикса *-п*, *-ып/-ип*, *-уп/-үп*, существует и древняя форма с аффиксом *-бан/-бэн*, служащая для передачи предшествующего действия, с которым последующее действие связано как результат или следствие, например: *қылыбан* 'делая', *қошубан* 'присоединяясь'.

*Йай барубан эркузи,
Ақты ақын мундузи* (МК)
'Весной сначала пошли ручьи талой воды
И потекли потоками ручейков'.

Мэн гөһэр, инчү тиздүм кээибэн йабан, йазы (РБҒ) 'Я, странствуя по пустыням и равнинам, нанизал драгоценности и жемчуг'.

Обычная форма этого деепричастия широко используется во всех исследуемых текстах, выполняя указанные выше функции.

*Қамуғ йашру ишиң болуп ашқара,
Бу көргэн ишитгэн саңа күлмэсин* (АХ)
'Всякое твое тайное дело становится явным,
Видевший и слышавший это пусть над тобой (букв.
тебе) не смеется'.

*Элик сунса эрдэм билэ эр тэгип,
Улуғ тағ башын йэргэ илтурур алып* (КБВ)
'Если мужчина доблестно протянет руку, преуспееет,
Он способен повергнуть на землю вершину великой горы'.

*Эзлүги Ваала алэйһа-і-лэ'нет қонақ кэлэз йуруп ишик ишикдэ: қо-
нақ кэди тэп хэбэр бирүр эрди* (РБҒ) 'Жена его Ваала, да будет над
нею проклятие, как только гости пришли, пошла от дома к дому
(букв. от двери к двери), сообщая, что пришли гости, разносила
сведения'; *Балық баш көтэрип ол тэ'амларның жумлэсин бир соқум
қылды тақы айды: «Эй Сулэйман...»* (РБҒ) 'Рыба подняла голову, всю
ту пищу обмакнула в воду и при этом сказала: «О Сулейман...»';
*Бир күн Сулэйман атланьт барурда Қаран атлығ адағға тэгди.
Йылқы көрди отлайур Сулэйманни көрдилэр эрсэ учуп һагаа аады-
лар* (РБҒ) 'Однажды, когда Сулейман поехал верхом, он достиг

острова (оазиса) под названием Карая. Увидел, что табун коней пасется. Стоило им увидеть Сулеймана, они взлетели и поднялись в воздух'.

Разделительное деепричастие

Разделительное деепричастие с формой *-мадын/-мэдин, -мады/-мэди* (усеченный формант) довольно часто встречается в исследуемых текстах, обычно в функции негативного предикативного признака к основному глаголу.

Тилэгим бу ол: сэн мэни йармадын,

Тапуға йақын тут, маң ирмэди (КБН)

'Просьба моя такова: не отрывая меня,
Держи близко к службе, не чувствуя недовольства
(разочарования) ко мне'.

Эвэлик бу эрди сэни билмэди

Йақын туттум, өзкэ тапынурмадын (КБВ)

'Такова была поспешность: тебя не зная,
Я держал тебя близко, другого не привлекая к служению'.

Қайу бағқа тэгсэ сувы тырмадын

Чэчэк йазлур анда, көр, өксүмэди (КБВ)

'Если в некий сад не доходит вода неустанно,
Гляди, цветы там распускаются недостаточно (не полностью)'.

Бу күндэ нэрү бу өзүм тырмады,

Муның шүкри қылөүкэрэк эрмэди (КБВ)

'Я сам не успокаиваясь с этого дня,
Не будучи в необходимости поблагодарить
за это...'

Саңа бэрди дунйа исиргэмэди,

Маңа бэрмэгэй-му бэрикли иди (КБВ)

'Он дал тебе мир, не скупясь,
Разве не должен он дать мне, одаряющий (жертвующий)
господь'.

Деепричастие цели

Очень древняя форма этого деепричастия сохраняется и в исследуемых памятниках. Оно образовано из основы глагола аффиксом *-ғалы/-ғэли (-ға+лы/-гэ+ли)*.

Биз кәлдүк буларны һәлак қылғалы сәни хутқарғалы (РБҒ) 'Мы пришли [чтобы] тех погубить, а тебя чтобы избавить'; *Адам кумәчини йигәли маил қылды* (РБҒ) 'Человек был склонен [чтобы] съестъ его жареную пшеницу'; *Өзүң соқланурсән ажуң тиргәли, өлүм соқланур ол сәни тутқалы* (КБВ) 'Ты сам жадно стремишься собрать [воедино] вселенную (блага мира), а смерть стремится тебя схватить'; *Каабаға барурта Абу Хашимни көргәли бардым* (ТЭ) 'Когда я направился к Каабе, я пошел увидеть Абу Хашима'; *Бушир айытты мәг эр тәмаша қылғалы барурсән* (ТЭ) 'Бушир сказал: «Разве ты идешь, чтобы развлекаться?»'.

Деепричастие с аффиксом *-ғач/-гэч*

Можно предполагать, что аффикс *-ғач/-гэч* является усеченной формой квантитативного аффикса *-ча/-чэ (-ға-ча/-гэ-чэ)*. Это деепричастие обычно выражает быструю последовательность в чередующихся действиях.

Базылары күн толғач пәрдә алтыға кирәләр (РБҒ) 'Стоит взойти солнцу, как некоторые из них входят под занавес'; *Йақуб ас-сәләм көңләкни көзигә сүрткәч мубарәк көзләри ачылды* (РБҒ) 'Как только Иаков (да будет мир) потер сорочкой глаза, благословенные глаза его открылись'; *Бу сөзни ишиткәч, тәһарәт қылайын тәп, қоптум эрсә, Җәбраил учмақтақы Кәусәр сүйидин бир қызыл йақут эбтабә (афтабә) билә су кәлтүрди* (МН) 'Лишь только я услышал эти слова и сразу встал с желанием совершить омовение, Гавриил принес воды красным рубиновым кувшином из райского источника Каусер'; *Алар сәләм җәвабыны бәргәч зийишиләр: «Йа Мохаммед, тәңри тә'аланың суйурғалыға сәвүнчлүк болғыл...* (МН) 'Как только они приветствовали в ответ, сказал: «О Мохаммед, радуйся милости всевышнего бога»'.

Деепричастие с аффиксом *-ғынча/-гинчэ*

Это деепричастие выражает действие, в течение которого совершается другое действие, постепенность свершения действия, действие, предвещающее другое действие. Вопрос о том, являются

ся ли дериватами аффикса *-жынча/-гүнчэ* аффиксы *-гунча/-гунчэ*, а тем более *-жанча/-гэнчэ* (или наоборот) остается пока, видимо, открытым, хотя связь между ними все же маловероятна (об аффиксах *-гунча/-гүнчэ*, и *-жанча/-гэнчэ* см. ниже).

Өзүн тогмагынча, маца тэгмэс аш (КВВ) 'Пока ты не насытишься, пища меня не коснется (т.е. я не начну есть)'

Тапуэ қыл, тапуэ бирлэ қул бэ болур,

Тапуэ сиүмэгинчэ тилэг ким булур (КВН)

'Совершай служение, через служение раб беком станет.

Пока служение не освоишь, то кто приобретет желаемое'.

Характерной особенностью указанного деепричастия является то, что обычно употребляется в текстах его отрицательная форма с аффиксом отрицания *-ма/-мэ-*, т.е. чаще встречается аффикс в виде *-ма-жынча/-мэ-гүнчэ*. Такое его употребление также интересно сопоставить с функционированием упомянутых сходных аффиксов *-зунча/-гүнчэ (-гуча/-гучэ)* и *-жанча/-гэнчэ*.

Еще примеры: *Тайана мэула тэ'аладин дэстур болмагынча...* (РББ) 'Пока от всевышнего не последует разрешение...'; *Нэр ким бу чумақ сэфатини ишитсэ муца кирмэгинчэ қарары қалмағай тэп...* (МК) '«Каждый, кто слышит райскую хвалу, пока в него (в рай) не войдет, у него не должно быть решения», — сказал...'; *Йана бир дэрвазэсидин бир дэрвазэ тэггинчэ бир йағач йол эрди* (МН) 'Пока от одних ворот дойдешь до других, будет (букв. было) целый йағач (мера расстояния, равная 6-7 км. — В.Н.) пути'; *Эйттилэр : «Эй Насан, сэн өзүңни нэ арыммагынча нэчүктин бизгэ пэндлэр айытур-сэн* (ТЭ) 'Сказали: «О Хасан, пока ты самого себя не сделал чистым [от грехов], почему же ты нам даешь советы »'; *Вэлэкин тэвбих бэргүчи мэн турурмэн, бизниү тэвбихимиз болмагынча сиздин қуллуқ кэлмэз* (ТЭ) 'Но ведь дающим порицание являюсь я, пока не будет нашего порицания, не наступит твоего служения'.

Глагольные имена

В исследуемых литературных памятниках глагольные имена более разнообразны в морфологическом и семантическом плане, чем в памятниках древнеуйгурского языка. Среди них также еще продолжают встречаться формы, характерные для грамматического строя орхоно-енисейских памятников. Это особенно заметно в таких произведениях, как «Қутадғу биһиги» и «Атэбэт үл-хэқаиқ».

В синтаксических функциях глагольных имен часто наблюдается сосуществование и иногда параллельное употребление древнеуйгурских, огузских и кыпчакских форм, что является преддверием к новой формации литературного языка Средней Азии, так называемого «тюрки», и восточнотюркского, так называемого «чагатайского» языка, легших в основу узбекского литературного языка.

Глагольные имена, как мы уже отмечали в других наших работах, и в исследуемых литературных памятниках выступают в очень широком грамматическом диапазоне. Однако основное их проявление в качестве субстантивных и адъективных грамматических категорий исторически остается неизменным. Также неизменно их свойство служить основой спрягаемых форм глагола в совокупности с местоименными аффиксами предикативности и принадлежности.

Глагольные имена, образуясь при помощи специальных словообразовательных аффиксов от основы глагола, сохраняют семантические свойства глагола, выражают переходность и непереходность действия; в зависимости от аффиксальной структуры основы глагола обладают семантикой залога и положительного или отрицательного аспекта.

Потенциально они обладают семантикой конкретного или безотносительного к моменту речи времени и соответствующей модальной тенденцией.

В синтаксических функциях глагольные имена подчиняются закономерностям грамматического строя тюркских языков. В определительных словосочетаниях глагольные имена адъективируются и выступают в качестве причастных форм глагола. Однако, выступая в функциях подлежащего, прямого и косвенного дополнения и обстоятельственных компонентов словосочетания, они субстантивируются, подчиняются грамматическим закономерностям, присущим субстантивным категориям: склоняются, принимая аффиксы падежей, присоединяют аффиксы принадлежности и подчиняются управлению соответствующими послелогам. В этих функциях они представляют собою имя действия (*nomen actionis*) в его различных семантических проявлениях, в зависимости от словообразовательной и словоизменительной аффиксальных форм.

Глагольные имена вместе с предикативными местоименными аффиксами создают характеристическую форму *verbum finitum*, т.е. спрягаемую форму глагола, которая в зависимости от структуры глагольного имени выражает соответствующую семантику

времени (а также и его диахроническую соотношенность с реальным познанием времени), семантику наклонения и модальных признаков.

Но и помимо спрягаемых форм глагола — *verbum finitum* глагольные имена в падежной форме без послелогов или с послелогогами в системе словосочетания в основном предложении способны выражать предикативные признаки так называемых развитых членов предложения (*quasi proposition* — по терминологии Ж. Дени), являющихся в основном предложении его подлежащим, дополнением или определением к одному из его членов. А в обстоятельственной функции они представляют собою предикативный компонент развитого обстоятельственного члена основного предложения и грамматически адвербиальны и эквивалентны деепричастным формам глагола.

Грамматическое употребление глагольных имен в их определенных формах зависит от этногенетической принадлежности отдельного тюркского языка и его типологической характеристики. Как было замечено выше, отдельные формы глагольных имен в развитии литературного языка убывают и деградируют в своем употреблении и, наоборот, другие приобретают новые синтаксические функции, развивается и изменяется их лексическое значение. К числу деградирующих в употреблении форм в исследуемых памятниках принадлежат глагольные имена с аффиксами *-тачы/-тэчи* (*-дачы/-дэчи*) и *-дуу/-дук* (*-туу/-тук*), изменяются функции имен с аффиксами *-мыш/-миш*, *-ур/-ур* (*-ыр/-ир*, *-ар/-эр*), органически входят в употребление формы с показателями *-ган/-гэн* и *-гу/-гу* (и производные от них).

Глагольное имя с аффиксом
-тачы/-тэчи (*-дачы/-дэчи*)

Это глагольное имя, столь употребительное в орхоно-енисейских и древнеуйгурских памятниках, выражает понятие о потенциальных свойствах явления и служит основой для особой формы *verbum finitum*, выражающей потенциальное настоящее-будущее время или будущее определенное с семантикой направленности к завершению действия. В древнеуйгурских памятниках оно выступает уже в ограниченном употреблении, чаще всего как *potentia actions* со значением носителя потенциального действия. В древнеуйгурских памятниках мы его встречаем в функции подлежаще-

го, определения и сказуемого, в котором оно употребляется только с формами вспомогательного глагола эр- и выражает предикативно-потенциальные свойства действующего субъекта. В исследуемых же памятниках мы встречаем это глагольное имя только в субстантивном значении, в таком же значении оно остается в определительной позиции и даже в предикативной.

*Улуз күндэ көржит оларың йүзин,
Элиг туттачы қылғыл эдгү сөзин* (КБН)

‘В великий день покажи [нам] их лик
И их добрые слова сделай руководящими [для нас]’.

*Усал болмағыл, ай тирик болтачы,
Тирик болдың эрсэ өзүң өйтэчи* (КБВ)

‘Не будь нерадивым, о ты являющийся живым (носитель жизни).
Хотя ты и стал живым, [все же] ты смертен (обречен умереть)’.

*Жэфа қылдачыңға йанут қыл ээфа,
Арымаз нэчэ йуса қан бирлэ қан* (АХ)

‘Тому, кто причиняет тебе страдание, воздай добродетелью (верностью),
Ибо, если кровь смывают кровью [с чего-либо], она не смывается (букв. не очищается)’.

*Мэни булдачы эр тутуп бэклэсэ
Қачумас ма андын сөз айдым кэсэ* (КБН)

‘Если задержит [меня] тот муж, нашедший меня,
Я не смогу ведь бежать от него. Закончил я речь’.

*Қамуғ тэгдэчи нэң қазадын эрүр,
Уқушсузлар аны сэбэбдин көрүр* (АХ)

‘Всякая [к тебе] относящаяся вещь бывает от судьбы,
Но неразумные воспринимают ее (букв. видят) от причины’.

И наконец, примеры из Гератской рукописи касыды, посвященной эмиру Джелал эд-Дину (1407-1447).

Бу йатагылғ йэр мутабах суғ эврээин туттачы ‘[Ты] держатель уровня (букв. высоты) этой плоской земли и соразмерной воды’; *Дин ичинтэ дин тажы башларың эвуртэчи Абу Ханифа* ‘...Внутри религии вращающий корону веры вашей головы Абу Ханифа...’

В других исследуемых нами уйгурописьменных гератских образцах формы указанного глагольного имени обнаружено не было.

Глагольное имя, образованное аффиксом

-дуқ/-дук (-туқ/-түк)

Это глагольное имя в исследуемых памятниках не является столь актуальным, как в орхоно-енисейских и древнеуйгурских памятниках. Однако рудиментарно оно сохраняет те же семантические и функциональные свойства, но их проявление главным образом субстантивно и редко адъективно. Примеры использования его в текстах в предикативной функции единичны.

Билірмэн бу йаңлы тапуғ қылдуғуң

Бағырсақлық ол сен мени қолдуғуң (КВВ)

‘Я знаю, что такое твое служение

Является состраданием, ты меня просил’.

Тавар бирлэ эрсэ улугъсындауғуң ,

Улуғлуқ тапару (табару) элиг сундуғуң (АХ)

‘Если ты стал тщеславным из-за богатства,

То ты протянул руку по направлению к величию’.

Сэниң малыу ол мал ашындуғуң ,

Саға һэсрэт ол тэк тутуп турдуғуң (АХ)

‘Твое имущество есть имущество, изношенное тобою,

То, что ты [все время] держал, для тебя только скорбь’.

Бу күн кэнду сүчүк бу тирмэк саға ,

Ачығ болға (вм. болгай) йарын қодуп бардуғуң (АХ)

‘Сегодня это тебе собирать – сладостно,

Но завтра [оно должно] стать горьким и ты отбросишь
и уйдешь’.

Муну мэн ма эмди саға кэлдүкүм ,

Мэниң қылқум эрди бу коркуттүкүм (КВН)

‘Вот я тоже теперь к тебе пришел,

Каков был мой характер (мои поступки), это я показал’.

Интересно заметить, что во всех приведенных примерах все глагольные имена на -дуқ/-дук выражают предикативный признак, оставаясь, однако, грамматически субстантивной категорией с аффиксом принадлежности и семантически приближаясь к *verbum finitum*, однако не являясь таковым. По существу их значение буквально можно выразить субстантивно: *ашындуғуң* ‘твое изнашивание’, или ‘изнашивание тобою’; *элиг сундуғуң* ‘протягивание тобою руки к...’; *саға кэлдүкүм* ‘мой приход к тебе’ и т.д.

Таким грамматическим состоянием этих форм, промежуточностью их значения между субстантивностью и глагольностью можно объяснить и широту их применения в синтаксических конструкциях в функциях определения: *Маңа бәрдуки сув мән ичтим алып* (КВВ) 'Я, взяв,пил воду, которую он мне дал'; *Қылдуқум ишләрниң та'вил бу турур* (РБѐ) 'Это является объяснением дел, которые я сделал'.

Или с безличным значением: *Көрмәдук йәрни көрдүм* 'Я видел землю, которую никто не видел (т.е. не видели)'.

В функции дополнения: *Мән билдүкүмни сиз билсә эрдиңиз* (РБѐ) 'Если бы вы знали, что познал я'; *Ай Толды өзи дәвлэт эрдүкин айур* (КВН) 'Ай Толды сообщает, что сам он (т.е. Элик) представляет собою счастье'.

В функции подлежащего: *Бу сордуқум аның үчүн эрди ким...* (РБѐ) 'Этот мой вопрос (то, что я спросил) был из-за того, что...'

В функции обстоятельства (косвенного дополнения):

*Йағыта, көр, арслан йурәки кәрәк,
Қарыштуқта эсри биләки кәрәк* (КВВ)
'При враге, смотри, нужно сердце льва,
При битве нужна « лапа » барса'.

Необходимо отметить, что, видимо, и дальнейшее развитие глагольно-именных форм в их синтаксических функциях сохраняет их рудиментарные семантические свойства, благодаря чему их персонализация аффиксами принадлежности служит выражению лица действующего субъекта. Это особенно рельефно выражается в современных турецких конструкциях с глагольными именами на *-dik/-dik*, *-acak/-ecek*. Отсутствие аффикса принадлежности есть признак абстрактного субъекта или безличности и пассивности действия. Конкретное выражение действующего субъекта возводит синтаксическую конструкцию к очень древней фазе развития. Так, например, в уйгурском памятнике « Огуз-наме » имеем: *Огуз қаған аны көрдүктә усы (өзи) қалмады* 'Когда Огуз қаған ее увидел, у него помутилось сознание (букв. мощи его не осталось)'.

*Улуғ болдуқунча түзүңрәк болуп,
Улуғқа кичиккә силиг қыл сөзүң* (КВВ)
'По мере того как ты становишься великим,
пребывай справедливым,
Великому и малому говори свое искреннее
(букв. чистое) слово'.

Употребление глагольных имен в предикативной функции с показателем позитивного значения *бар* и негативного значения *йок* мы имеем почти во всех тюркских языках.

Глагольное имя, образованное аффиксом

-мыш/-миш

Указанное глагольное имя, имеющее широкое употребление в древнеуйгурских памятниках в функциях и значениях, эквивалентных функциям и значениям глагольного имени на *-дук/-дук* орхон-енисейских памятников, в исследуемых памятниках имеет еще свою достаточно выразительную грамматическую сущность. Оно выступает в субстантивном, адъективном, адвербиальном и предикативном значении. Особенно интересной является его субстантивная форма с аффиксом принадлежности, которая одновременно является выражением предикативного значения особой синтаксической структуры *quasi proposition*, т.е. «подобопредложения», из которого в тюркских языках образуются так называемые развитые члены. Аффикс принадлежности при глагольном имени обычно выражает субъект действия. Обобщенный экскурс к исследованию таких структур по данным литературным памятникам обнаруживает, что при таком глагольно-именном компоненте помимо личного аффикса принадлежности препозиционно употребляется соответствующее личное местоимение, выражающее субъект действия в основном падеже. Однако, коль скоро субъект выражен именем существительным, он употребляется в притяжательном («родительном») падеже, а компонент глагольного имени оформляется аффиксом принадлежности 3-го лица. Образуется посессивная изафетная конструкция, выражающая конкретный субъект и его действие. Когда субъект абстрактный, конструкция глагольного имени семантически безлична или выражает пассивность, аффикс принадлежности или отсутствует, или возникает в форме 3-го лица, выражая релятивность к высказанному или разумеющемуся.

Субъект («подлежащее»), выражаемый личным местоимением в притяжательном падеже, представляет вторичное явление, возникшее в результате грамматической формальной аналогии между корреляцией конкретного субъекта (выраженного субстантивом) в посессивной конструкции с глагольным именем. Таким образом возникло бытование в синтаксических структурах формы «подле-

жащего» в притяжательном падеже личного местоимения. Документы показывают, что путь образования такой формы субъекта-подлежащего вторичного порядка. А это объясняет генезис многих структур так называемого развитого члена предложения.

Глагольное имя на *-мыш/-миш* в определительных функциях адъективируется и примыкает к своему определяемому в собственной форме или с аффиксом принадлежности. Это зависит от выражения корреляций субъекта и объекта действия, безличности и пассивности в предикативном значении глагольно-именного определительного компонента.

Указанное глагольное имя также служит основой нескольких форм *verbum finitum*.

Высказанные теоретические соображения проверим на примерах из литературных текстов.

*Амэл тимишим дост узун санмақ ол,
Узун санма сақынч өкүш қыл амэл (АХ)*

‘Друг, о деле, о котором я сказал, — долго о нем думать!
Не размышляй долго, а побольше дел делай’.

*Бу кун бар йарын йоқ бу дунйа нэци,
Мэниң тимишиң нэң адыклар оңы (АХ)*

‘Вещи этого мира сегодня есть, а завтра нет,
Моя вещь, о которой ты сказал, участь других’.

*Нэгү тэр эшиткил билүлүг тилин,
Эвэ қылмыш ишлэр өкүнчи билиң (КБН)*

‘Послушай, что говорит мудрый [своим] языком,
И знай, что поспешно сделанные дела — [повод]
для раскаяния’.

*Эвэ қылмыш ишлэр нэчэ йэк болур,
Эвэ басмыш ишни тэсэ йэк болур (КБВ)*

‘Торопливо сделанные дела бывают [ли] сколь-нибудь
хорошими,

Относительно поспешно выполненного дела скажешь:

«дьявольское поспешение» (букв. демон)’.

*Нэгү тэр эшит бу қутун қодмыш эр,
Қуты бирлэ арзу тилэг булмыш эр (КБВ)*

‘Слушай, что говорит муж, отстранивший это счастье,
И муж, при помощи счастья осуществивший стремления,
желания’.

При посессивном определении глагольное имя выступает в субстантивном значении:

Бу барча йаратылмышларның рузиларын

Бэлгүлүк қылуғучы фириштэ туруп (МН)

‘Это ангел, отмечающий

Дневную плату (рацион) всех этих сотворенных

(т.е. тех, кто сотворен)’.

В дополнительной функции в субстантивированной форме глагольного имени одновременно выступает и его предикативность в субординации к главному предложению.

Эгэр билсэ Кашгар тилин һэр киши,

Билур ол Адибниң нэ ким аймышы (АХ)

‘Если каждый будет знать язык Кашгара,

Он познает, о чем повествует Адиб’.

Йэриндин бу илкэ нэгүн кэлмиши,

Айу бэрди барча өзи билмиши (КВН)

‘Зачем он пришел с родины в эту страну,

Рассказал и все, что сам знал’.

Этот пример интересен тем, что компоненты *кэлмиши* и *билмиши* лишь по смыслу подчиняются сказуемому *айу бэрди*, но формально их можно считать развитым членом подлежащего. Тогда напрашивается такой перевод: ‘Зачем [вот] в эту страну с родины пришел (букв. его приход) и все, что сам познал, — все это рассказал’.

Эту же двойственность структуры можно ощутить и в следующей фразе:

Йэр көк арасында нэ ким йаратмыш бар эрсэ қамуғны муһр қылды, қамуғы бойун сундылар имишлэр (РББ) ‘Между землей и небом кто бы ни был сотворен, всем ставил печать, и все подчинялись’.

Өкүш сөзлэгэндэ өкүнгэн тәлим,

Тилин бәклэгэндэ өкүнмиш қаны?

‘Когда много говорят, то [бывает] множество

раскаивающихся,

Когда удерживают язык, то где раскаявшийся?’.

При субстантивации глагольных имен *өкүнгэн* и *өкүнмиш* они выполняют функцию подлежащего основного предложения.

Ниже мы встречаемся со следующей структурой подлежащего, когда оно выражено глагольным именем с аффиксом принадлежности: *Куллары үчүн көп түрлүк ни’мәтлэр амадэ қылмыш ким һәч көз*

көрмиши йоқ, һ эч қулақ ишитмиши йоқ (МН) 'Для его рабов приготовили столь многочисленные разнообразные дары (блага), что нет возможности охватить взором, нет возможности охватить слухом'.

И наконец, глагольное имя на *-мыш/-миш* в предикативной функции ложится в основу спрягаемых форм глагола, образуя *verbum finitum*:

*Тарыялық тип аймыш ажунны рэсул,
Тарыялықта қатлан тары эдүлүк* (АХ)
'Пророк говорил, что мир есть нива,
На ниве старайся, сей добро'.

*Вэ кэлмиш қушлуқ ашыға төрт йүз қаңлы йана алмышлар йэтти
йүз қаңлы ун харж болур эрди* (РБҒ) 'И для обеда, наступившего в предполуденное время (*қушлуқ*), опять взяли четыреста повозок, и было израсходовано семьсот повозок муки'.

В функции обстоятельственных членов глагольное имя на *-мыш/-миш* в исследуемых памятниках встречается редко (на смену ему приходит форма глагольного имени на *-ған/-ған*): *Рэйэтлэргэ муш-фиқ кэрэк, бэла кэлмиштэ өзиқи бэлага тутху кэрэк* (КВВ) 'Следует быть сочувственным к простым людям, когда приходит беда, следует руководить собою в отношении беды'.

Глагольное имя, образованное аффиксами

-ур/-үр, -йур/-йүр (-ыр/-ир, -ар/-эр)

Это глагольное имя, образованное от основы глагола, и в исследуемых рукописях, как и в памятниках орхоно-енисейских и древнеуйгурских, чаще всего выступает как спрягаемая форма *verbum finitum*. От нее же образуются и сложные спрягаемые формы глагола. Довольно часто встречается это глагольное имя в субстантивированном значении в качестве предикативного компонента развитого члена предложения, что уже является типологической особенностью восточнотюркского и центральнотюркского типов языка. Оно очень редко встречается в определительной функции. Таким образом, его адъективное причастное значение грамматически не является актуальным.

Отрицательная форма данного глагольного имени ротационна (*-р > -з*) и имеет аффикс *-маз/-мэз*, например: *тодмаз, йорымаз, котурмэз, итумэз* и т.п. Иногда у Рабғузи в форме 1-го лица единственного числа происходит стяжение: *қылман* вм. *қылмазмэн*. Подобное явление наблюдается и в указанных гератских памятниках: *алман*.

В определительной функции грамматическое свойство данного глагольного имени идентично с его проявлениями в орхоно-енисейских и древнеуйгурских памятниках и представляет собою адъективную категорию, называемую причастием.

Баһыллыҡны ҡаны өҫ эр тил, ҡайу? (АХ)
‘Где язык, хвалящий жадность, где?’

*Тәвазу ҡылыҡлыны көтрүр иди,
Тәкәббүр тутар эрни кәмшүр ҡоды* (АХ)

‘Проявляющего смирение господь возвышает,
[Но] мужа, « проявляющего» (букв. держащего)
гордость, отбрасывает вниз’.

Субстантивация глагольного имени проявляется в предикативных компонентах развитых членов предложения:

*Сәниң атың Бушири эрти айақ йалаң йорыр үчүн саңа Хафи дән лә-
қаб ҡойдылар* (ТЭ) ‘Твое имя было Бушири, из-за того что ты ходишь босиком, тебе дали прозвище Хафи (т.е. босоногий – араб.)’; *Тәңри тә’ала буйурды мәни учмаққа алғайлар. Учмаққа барурта, тамуқ, үстүттин көтәртә бир йылан тамуқтың сәкрәп бу йүзимни тишләди* (ТЭ). ‘Всевышний повелел, чтобы меня взяли в рай. Когда направлялся [я] в рай, когда поднимали над адом, какая-то змея, выпрыгнув из ада, укусила меня в это лицо’; *Малларның зәҡатын бэрүргә көңүлләри ҡыймай турурлар* (МН) ‘При отдаче десятой доли (закат) своих имуществ, их сердца не скупаются’; *Бир эрдин бир эркә тәфәсүт тәлим, вәләкин көрәркә төзү беркүг ол* (АХ). ‘Разница между одним и другим человеком велика. Однако когда взглянешь, все они в шапках’; *Һалал кәндү ҡайда бу күн ҡаны ким һарамны йийүрдә һарам тип йиди* (АХ) ‘Где само дозволенное, сегодня где [тот], кто, поедая запретное, говорит – он съел запретное’.

В падежной форме без послелога или с послелогом глагольное имя является эквивалентным по своему грамматическому значению деепричастию и в корреляции с *verbum finitum* сказуемого выражает не столько время, сколько соотношение действия с действием основного сказуемого в одновременности, последовательности, в причинности, образе действия или уподоблении.

Глагольное имя с аффиксами

-ған/-ған

Под влиянием кыпчакской группы тюркских языков это глагольное имя получает очень широкое отражение в самых различных литературных памятниках до староузбекского («чагатайского») периода и выступает в однородных грамматических функциях с глагольными именами на *-дуқ/-дук*, *-мыш/-миш* и др. Предикативная функция этого глагольного имени зафиксирована главным образом в памятниках Золотой Орды и в «чагатайских» памятниках, чем они отличаются от других литературных памятников этого периода.

Юсуф Баласагунский (XI в.) употребляет это глагольное имя в своей поэме как уже органично вошедшую в язык форму наряду с бытующими с древних времен глагольными именами на *-дуқ/-дук*, *-мыш/-миш*.

*Байат аты бирлэ сөзүг башладым,
Төрүткэн, илдкэн, кэчүргэн идим (КБК)*

‘Я начал свое слово с именем бога.

Создавший, возвысивший и проведший [через жизнь
меня] мой господь’.

Атрибутивное значение этого глагольного имени в определенной позиции указывает на его адъективность и соотнесенность с так называемым причастием (принятый традиционно в тюркологии грамматический термин).

В этой адъективной функции указанное глагольное имя встречается и в других исследуемых памятниках — чаще или реже. Подобно глагольным именам на *-дуқ/-дук*, *-мыш/-миш*, глагольное имя на *-ған/-ған* выступает в памятниках и как субстантивное понятие в значении подлежащего, прямого и косвенного дополнения и обстоятельства. Обычно в этих значениях глагольное имя subordinировано как предикативный компонент развитого члена сложного предложения.

В приводимых ниже примерах прослеживается определительная функция этого глагольного имени во всех исследуемых памятниках.

*Өлүр эрди эрсэ қамуғ илгэн,
Киши қалмағай эрди рузи илгэн (КБВ)*

‘Если бы умирали все заболевшие,

Не осталось бы [ни одного] человека (букв. съдающего
пропитание)’.

Компонент *илэгэн* субстантивирован и является в тексте подлежащим ('тот, который заболел').

Илахи, кэчүрэн идим сэн кэчүр,

Нэчэ мэ һаталык хул эрсэм саца (АХ)

'О боже, мой избавляющий господь, избавь [от греха],
Поскольку я есмь для тебя грешный раб'.

Саньп сөзлэгэн эр сөзи сөз сагы,

Өкүш йаушалан тил озулмаз йаагы (АХ)

'Слово человека, которое он продуманно высказал,
резвое слово.

[Но] язык, много болтающий, неисправимый враг'.

Эсиз хылган эркэ сэн эдгү хыла (вм. хыл),

Кэрэмниң башы бу эрүр кэд билэ (вм. бил) (АХ)

'Тому человеку, который делает зло, делай добро,
Знай хорошенько, [что] это есть начало милосердия'.

В своей семантической сущности глагольное имя на *-ған/-гэн* часто бывает нейтрально в отношении значения времени, которое определяется в контексте в зависимости от значения остальных компонентов словосочетания. Таким образом, оно может выражать действие в настоящем или прошедшем времени — имперфектном или перфектном. В самом деле: "человеку, который делает зло" — здесь *хылган* обозначает последовательность звеньев деланья от прежнего к данному.

Ажунца бу сөкүш мэламэт нэлик,

Қазалар йорытқан, йаратқан мэлик (АХ)

'Зачем эта брань и упрек миру,

[Ведь] судьба есть царь, движущий и творящий'.

Йана икинжи сәбәб ол ким бу китап йадғар қалсун, тақы оқыған кишилер бизни ағыш билэ йад қылса, шайэдким бар мумин қулының дуасыға учрағай (ТЭ) 'Вторая причина та — пусть эта книга останется памятником, [ее] читающие, если нас вспомнят с благословением, то пусть встретятся с молитвой верного раба'; *Ол көз билэ барча йаратылған мезгүдатни көрдүм* (ТЭ) 'Теми очами я увидел все сотворенные существа'; *Ол учмақа пәйғәмбәrlәр йа садықлар йа шаһидlәр йи адил султанлар йа дунйа му'инадин көңлидэ тутмаған киши эр кирэр* (ТЭ) 'В тот рай попадают (букв. входят) пророки, или верные, или мученики, или справедливые султаны, или не держащие в своем сердце бесчестие мира (лучше: что-либо от бесчестия ми-

ра)»; *Тақы атамға берген ни'мэт үзэ шукр қылайын тақы шөккэт берги* (РБҒ) 'Также на основании милости, данной (оказанной) моему отцу, да воздам я благодарность, ты тоже окажи почитание'; *Ол ишик сақлаған фириштэгэ мэдэл(л)ик эйтти* (ТИ) 'Он произнес хвалу ангелу, охранявшему дверь'.

Примеры из разных источников указывают, что сущность глагольного имени на *-ған/-ген* в определительной позиции всегда остается идентичной и по форме, и по содержанию, для выражения атрибутивного признака субъекта или объекта.

В процессе субстантивации это глагольное имя подчиняется формальным изменениям, свойственным субстантивной категории имен, т.е. изменяется по падежам и приобретает аффиксы принадлежности. Соответствуя предикативному компоненту развитого члена предложения, оно включает весь комплекс относящихся к нему компонентов в качестве развитого подлежащего, прямого и косвенного дополнения или развитого обстоятельства в систему компонентов сложного предложения.

Кэлэниң хош болсун (МН) 'Да будет благоприятным то, что ты пришел (или твой приход)'.

Қамуғ йашру ишиң болуп ашқара,

Бу көргэн ишиткэн саңа күлмэсин (АХ)

'Всякое твое скрытое дело станет явным,

Кто это видит и слышит, пусть над тобой не смеется'.

Бу ики айлық йэрни йэл үзэ бүрүгэнлэрин билмэс эрдилэр (РБҒ) 'Не знали той земли двух месяцев пути, что она крутится от ветра'; *Қамуғ учқан йүгүргэнлэргэ фэлан күн Сулэйман қонуқ луқынча һазыр болуқ тэн...* (РБҒ.) 'Сказал всем, кто летает и бегаёт, чтобы они в такой-то день были готовы к пиру (угощению) Сулеймана'; *Йана эгэр кимэрсэ мэшаихларның сөзини бу китапта битилгэндичи көпрэх тилэсэ...* (ТЭ) 'И еще, если кто-либо пожелает больше слов шейхов, чем те, которые написаны в этой книге'.

В обстоятельственной функции глагольное имя на *-ған/-ген* в субстантивированной форме адвербиализируется и становится эквивалентом деспричастия.

Йана бир хүн расул алэйһу сэлам Умма Сэлма эвигэ кэлгэндэ... (ТЭ) 'Когда однажды пророк — да будет над ним мир — пришел в дом Уммы Сельмы...'; «*Саңа бергенимгэ нэ үчүн шукр қылмас-сэн*», — *тэн* (МН) «Почему ты [меня] не благодаришь за то, что

я тебе дал»; — сказал»; *Мэниң атымны эйитқантын соңра сэниң атыңны эйитқайлар тэп* (МН) «Сказал: «После того как сообщили мое имя, пусть сообщат [и] твое имя»».

Били билмэнэндин бир анча будун

Өз элигин бут итип идим бу тиди (АХ)

‘Благодаря тому, что не знал, некий народ,

Создав собственными руками идола, называл его:

«это мой бог»».

Буши Хафи эйитүр ким бир гуристанға эйтип көрдүм ким ол гуристан эли бир нимэ талашқан тэг нэмэ талашур (ТЭ) ‘Буши Хафи сообщает: «Я дошел до одного кладбища и увидел, что население того кладбища спорит, как будто что-то оспаривая (обсуждая)»».

Глагольное имя на -гу/-гу

Это глагольное имя представляет собой очень употребительную лексико-грамматическую категорию, выступающую в разнообразных функциях. Она проявляет себя как субстантивное понятие: *авынгу* ‘удобство’, ‘покой’, ‘уют’, *будун басгу* ‘господство народа’, *өггу* ‘хвала’, *тургу* ‘местонахождение’, *тосалгу* ‘препятствие’, ‘задержка’, *эрмэгү* ‘лентяй’, *ичгү* ‘напиток’, *тирилгу* ‘средство к жизни’, *йэгү* ‘еда’. Оно проявляет себя как адъективное понятие в определенных словосочетаниях: *бөри улыгу огур* ‘период, когда волк воет’; *киши тургу йэр* ‘место, где обитает человек’; *тусулку* ‘полезный’, *терилгу йэр* ‘посевная площадь’; *қарын тозгу аш* ‘похлебка, сытная для желудка’, *кэгү сәвинч* ‘преходящая радость’ (все примеры из МК).

Часто это глагольное имя выражает долженствование: *ақы болгу* ‘он должен быть щедрым’; это долженствование уточняется добавлением слова *керэк*: *бэргү керэк* (АХ) ‘он должен дать’, *йол өткү керэк* (КВВ) ‘следует пройти путь’.

От этой формы с предикативными словами *бар* и *йөк* образуется при помощи аффиксов принадлежности спрягаемая форма желательного наклонения: *кэзгүм бар* ‘мне хочется одеться’, *йэгүм йөк* ‘мне не хочется есть’. Желательное наклонение передается также этим глагольным именем с аффиксом принадлежности и глаголом *кэл-* в соответствующей спрягаемой форме: *баргүм кэлүр* ‘у меня возникает желание пойти’; *ичкүм кэлди* ‘мне захотелось пить’. Семантика таких форм желательного наклонения выражает обычно внутрен-

нее побуждение к действию (дезидеративность) и не выражает волевого проявления (волюнтативность).

Глагольное имя на *-уу/-гү* в различных словосочетаниях не утрачивает семантики дезидеративности или нецесситивности и тогда, когда оно выступает в соответствующих падежных формах.

*Байат бэрсү күч бу тапуғ қылғуға,
Күдээсү саңар өз тапуғ барғуға* (КБК)

‘Да даст бог силу, чтобы осуществить это служение,
Да сохранит тебя (букв. тебе), чтобы ты прошел свою службу’.

*Қуты бар йақын тәп тапуғ қылғуға,
Кимни йағутуп йырақ қовғуға* (КБК)

‘Обладающий счастьем к исполнению долга служения будь близким,

Кого приближаешь, должно прогнать далеко’.

Қалы бу тәғүни йийү биләсә... (КБ – Р. Арат) ‘Если он не знает [как] применить то, что нужно высказать...’
Өзүн ики күнүк авынғу үчүн... (КБК) ‘Самому для того, чтобы два дня приятно пожить...’

В определительных сочетаниях также сохраняется семантика нецесситивности:

Ол фириштә әйтти: «Йо расул, кәлгү чағың болды-мү», – тәп (МН) ‘Тот ангел сказал: «О пророк, разве настало время [твое], когда ты должен прийти’;

Бу төрт қушны боғулағуға болды (РББ)
‘Было решено зарезать этих четырех птиц’.

*Қаны әмри ма’руф қылур әдгү әр,
Қаны кәнду әдгү киши турғу йәр* (АХ)

‘Где добрый человек делает разумное распоряжение,
Где то место, на котором должен жить сам добрый человек?’

*Барур сән бу малың йағыңға қалур
Уйадып бирурләр сарынғу бөзүн* (АХ)

‘Ты уходишь, а это твое добро остается твоему врагу.
[Лишь], устыдившись, отдают полотно, в которое должны тебя завернуть’.

В предикативной функции данное глагольное имя выражает долженствование:

Азырлагу бэлэр өзин хэм сөзин (КБК)

‘Следует почитать беков, их самих и их слова’.

Йылан тэг бу ажун, йылан оқлагу,

Йоқамаққа йумшақ ичи пур агу (АХ)

‘Этот мир подобен змею, надлежит убить змею.

На ошупь она мягкая, а внутри полна яда’.

Буларны төрт үлүш қылғум турур (РБҒ) ‘Мне следует разделить их на четыре части’; *Залимлар қарынчақ мәңгизлик йәнчилүлери* (РБҒ) ‘Тираны все равно раздавят муравья’.

Особенно четко определяется семантика долженствования со словом *кэрэк*: *Қайу айды өтрүм ичиргү кэрэк* (КВВ) ‘Который сказал [-его] необходимо поить слабительным?’

Глагольное имя на *-гу/-гү*, приобретая форманты *-луқ/-лүк*, продолжает сохранять свою основную семантику долженствования, которая в отдельных случаях дополняется модуляцией категоричности и необходимости.

Бу дунйа нэңидин йигү кэзгүлүк,

Ал, артуқ, тилэмэ себал йүдгүлүк (АХ)

‘Бери из вещей мира [лишь] то, чтобы питаться и одеться,

Больше не требуй, [ибо] оно (большее) должно стать бременем греха’.

Қаны ‘эпд эманэт, қаны эдгүлүк,

Кидин күндэ һэйр иш мэ көтрүлгүлүк (АХ)

‘Где же договоренность и гарантия, где же добро, Ведь в последний день доброе дело должно быть совершено’.

Ол мунда турғулуқ эрди (КВ) ‘Он должен был быть при этом’;

Бэг йазуқ кэчүргүлүк эрди (КВ) ‘Бек должен был прощать грех’;

Ол тэңригэ тапынгулуқ эрди (КВ) ‘Он обязан был служить богу’ (примеры взяты из работы Р. Арата).

Очень употребительным словообразованием от глагольного имени на *-гу/-гү* является форма с аффиксом *-чы/-чи* (аффикс *poten agentis*). Эта форма выступает в двух основных значениях – субстантива и адъектива (в адъективном значении некоторые тюркологи считают ее причастием).

Жэбраил ишик қақып, ол ишик сақлағучы фириштэни чарлады эрэ, көк қапуғын сақлаган фириштэ: «Ким сэн?»-дэп сорды (ТИ)

‘Гавриил постучал в дверь, и стоило ему позвать ангела, оберегающего ту дверь (хранителя той двери), ангел, охранявший голубую дверь, спросил: «Кто ты?»’.

Однако дать строго разделение субстантивной и адъективной сущности данной формы, по-видимому, нельзя, ибо она по своему содержанию бисемантична: в самостоятельном значении она субстантивна и обозначает носителя действия, в определительных сочетаниях она адъективна и выражает основную функцию, присущую определяемому предмету. Будучи глагольным именем, она сохраняет функцию управления зависимыми от него словами.

Расул эрни отқа йүзин’ атғучы

Tul ol tidi yig tul yul ottin yuzuq (AX)

‘Пророк [так] сказал: язык таков, что бросает
(букв. бросатель) лицо мужа в огонь .
Добрый язык (речь), освободи (вырви) из огня
твое лицо’.

Айа һукмин ажун тапа үгүчи,

Йирип муны бирэр йана өгүчи (AX)

‘О проводящий суд к миру,
Порицатель его и вновь восхваляющий’.

Һәр пәрдәни йэт(т)и түмән фириштә сахлагучы эрди (МН) ‘Хранителями каждого занавеса были десять тысяч ангелов’; *Йана сорурлар ким бу ишләрни бузғучы нә нәмә турур, эйитти:тәтәмэ(ТЭ)* ‘Вновь спрашивают, что же является разрушителем (т.е. что разрушает) этих дел, ответил: «вождеделение»’; *Байазид! Та’ат қылғучы, қуллуқ қылғучы сән турурсән, вәлекин тәвбиһ бәргүчи мән турурмән (ТЭ)* ‘Баязид! Ты пребываешь в повиновении и покорности (букв. осуществляющий повинование и покорность), но я являюсь упрекающим (укоряющим)’.

Бу хутқа қуванма ай хут булғучы,

Кәлиги турур хут йана барғучы (КБВ)

‘Не радуйся этому счастью, о нашедший счастье,
Счастье преходяще, оно опять уходит’.

На этом примере интересно сопоставить семантику глагольного имени *-ғлы/-ли* и *ғучы/-гучы*. В то время как первое обозначает имманентный признак явления, второе выражает его функциональную, динамическую сущность.

Следующим формантом словообразования для глагольного имени на *-су/-ту* является аффикс-последелог *тэи*, выражающий уподобление и являющийся рудиментом глагола *тэи-* 'доходить (вплотную)', 'касаться', 'относиться'. В словосочетаниях форма этого глагольного имени *-су/-ту + тэи* чаще всего встречается в определительной или предикативной функции.

Уқушлуқ киши эр өзи өггүтэи (КБВ) 'Умные люди сами как бы достойны хвалы'; *Биздэ үшүр қоллутэи мал йоқ* (РБҒ) 'У нас нет имущества, соответствующего просьбе о десятине'; *Буларны туттүтэи болдылар* (РБҒ) 'Они были склонны (готовы) их схватить'; *Маңа қэсд қылтүтэи турур* (РБҒ) 'Они собираются как будто мне мстить'; *Тақы атамға бэргэн ни'мэт үзэ шүкр қылайын тақы тэвфиқ бэргил сэн хошнэвэд болтүтэи* (РБҒ) 'На основании блага, данного моему отцу, да возблагодарю я, и еще воздай благочестие как [свидетельство] удовлетворенности твоей'.

Форма глагольного имени *-су/-ту + тэи* не выражает буквального признака подобия или сходства, скорее им выражена модальность предположительности, сомнения или намека на возможность реализации явления. Форма эта осталась очень живучей и до настоящего времени, особенно в современном уйгурском языке.

Теперь следует остановиться на форме глагольного имени *-су/-ту* с аффиксом *-сы/-си*. Эта форма любопытна тем, что она закрепилась с этим формантом как самостоятельная грамматическая единица. Семантика долженствования глагольного имени *-су/-ту* в предикативной функции стала фиксироваться при помощи глаголов становления *бол-* и *тур-* для выражения обязательности свершения действия в перспективе будущего. Формант принадлежности *-сы/-си* при редукции глаголов-связок *бол-* и *тур-* закрепился как словообразовательный аффикс, потерявший значение принадлежности.

В типологии других тюркских языков образовалась аналогичная форма *-асы/-эси*, выражающая то же значение долженствования, невременности, нецесситивности.

Проследим на примерах семантические модуляции формы *-түсу/-түси*.

Бу йақые болур бу киши эдгүси,

Киши эдгүси ол будун тутгүси (КБ – Р. Арат)

'Таким будет этот лучший из людей,

[Ибо] лучший из людей – поддержка того народа'.

(Для точности перевода в последней строке следовало бы подчеркнуть долженствовательную модальность *тутгүси*, т.е. 'лучший из людей [по существу] должен быть поддержкой того народа!')

Башы барды найрның соңы барғусы,

Өңи кәлди ширрның соңы кәлгүлүк (АХ)

‘Начало добра ушло, последок его непременно уйдет.

Начало злого пришло, последок его должен прийти’.

Интересно отметить корреспонденцию между словами *барғусы* и *кәлгүлүк*. Они семантически равнозначны, оба показывают долженствование в осуществлении действия. Однако аффикс принадлежности *-сы* фиксирует уже не отношение действия к «последку добра», а формирует предикативный компонент *барғусы* в качестве монолитной формы будущего долженствовательного времени.

Это еще заметнее становится на последующих примерах.

Кәр нә тиләсәң саңа бәргүси туруп (МН)

‘Все, что ни попросишь, тебе дадут’.

При буквальной интерпретации: ‘тебе долженствование дать его (т.е. просимое) пребывает (стоит)’.

Однако *бәргүси туруп* представляет собою уже стабилизировавшуюся форму спряжения, в которой со временем формант *туруп* редуцируется и форма на *-ғусы/-гүси* останется самостоятельной формой будущего категорического.

Тйләкиңни тәүри тә’ала бәргүси туруп (МН) ‘То что ты просишь, всевышний бог тебе даст [непременно]’; *Таңы муның үммәтләри мәңиң үммәтләримдин бурун учмаққа киргүси туруп (МН)* ‘Таким образом его общины войдут в рай прежде моих общин’; *Һоҗаж ақыратны таңы таврарлық билә алғусы туруп (ТЭ)* ‘Паломник получит загробный мир «гораздо скорее» (букв. с ускорением).’.

Видимо, можно сделать вывод, что между аффиксом принадлежности *-сы/-си* и таковым в форме будущего времени создалась омофония: грамматические категории дифференцировались, сохраняя, однако, омонимичность, что в историческом процессе формирования лексики и лексико-грамматических форм часто является закономерным.

Очень распространенной формой, эквивалентной деепричастию, является форма *-ғуча/-гүчә*, образованная из аффикса глагольного имени *-ғу/-гү* с количественным аффиксом *-ча/-чә*. В некоторых памятниках она встречается в форме *-ғунча/-гэнчә*. Некоторые тюркологи склонны считать ее дериватом от форм *-ғанча/-гэнчә*. Но та форма имеет другое значение и применяется в иных синтаксических функциях, главным образом в субординированных конструкциях развитого члена предложения (ср. сходное с ней по функции употребление формы *-дух + -ча*). Семантика формы *-ғуча/-гүчә* выра-

жает сопутствующее действие к основному действию, выраженному глагольным сказуемым.

Насан Басри аны көргүчэ қовунчлуқ болур эрти 'Как только Хасан Басри его видел, проникался радостью (букв. радостным становился)'; *Тақ атқуча барып, тэһарэт қылып, тақ намазын қылды* (ТЭ) 'На рассвете (лишь рассвело) он пошел, совершил омовение, отправил утренний намаз'; *Игнэ киргүчэ ачық йир йоқ* (РБҒ.) 'Нет свободного (открытого) места, куда игла пройдет'; *Қарын тодғуча йи (йэ)* (КВ) 'Ешь, пока утроба насытится'; *Өзи тыны чыққуча бир тишук (тушук) қодты* (РБҒ.) 'Он сам оставил отверстие, пока изойдет его дыхание'; *Туру өлмэгүчэ йигил (йэгил)* (КВ) 'Пока ты жив и не умер, ешь'; *Көз йумуп ачқунча бир саатта Аиқа тэжкэй эрдиң* (РБҒ.) 'Не успел бы глазом моргнуть (букв. пока замуриив откроешь глаз), за один час достиг бы Аша'.

У Рабгузи встречается определительная функция этой формы, обозначающая предел, достаточность признака.

сэн киргүчэ сандуқ (РБҒ.) 'сундук, достаточный, [чтобы] тебе поместиться'; *Бу тартиб үзэ Сулейман өйлэн нэмазин қылмағунча һукм қылу эрди. Андын соқ эвигэ барур эрди. Тақ атқунча таэз қылу эрди* (РБҒ.) 'В силу такого порядка Сулейман, пока не совершит полуденного намаза, занимался судебными делами. Затем уходил домой. На рассвете выражал повиновение [богу]'.

Формы *verbum finitum*.

Повелительная форма

Помимо обычной формы повеления, выражаемой основой глагола (*ачырла* 'почитай', 'уважай', *эсэнлэ* 'приветствуй' и т.д.), существует также форма, образуемая из основы глагола аффиксом *-ыыл/-ил* (вариант *-ыын/-ин*): *тутыыл* 'держи', *барыыл* 'пойди', *қоқурөыыл* 'пренебрегай', *айыыл* 'скажи', 'сообщи', *билгил* 'знай', *асрағын* 'береги', 'заботься', 'охраняй', *ытеын* 'пошли', *йэгин* 'съедай' и т.д. Третий способ образования этой формы – при помощи аффикса *-ң/-ың/-иң*: *бақың* 'смотри', 'соблюдай', *тиң* 'скажи', *татың* 'попробуй', 'испытай'.

Во всех трех формах повеления отрицательная форма образуется присоединением к основе глагола аффикса *-ма/-мэ*, за которым следует характеристический аффикс повеления: *қылмаң* 'не делай', *сақынмағыл* 'не думай', 'не полагай'.

В ряде контекстов форма на *-ы* относится к нескольким лицам, в этом случае к ней может добавляться аффикс множественного числа *-лар/-лэр*: *кириң, кириңлэр* 'войдите', *бақыңлар* 'наблюдайте', 'берегите'.

Параллельно с повелительной формой образуется повелительно-желательная форма, волюнтаривная, передающая волеизъявление для 1-го и 3-го лица.

В 1-м лице она представляет обращение к себе и образуется из основы глагола при помощи аффиксов *-ай/-эй*, *-айын/-эйин* и *-й* после гласного: *барай* 'пойду-ка я', *кэлэй* 'приду-ка я', *кэээй* 'по-странствую я', 'погуляю-ка', *тилэй* 'попрошу-ка', 'пожелаю-ка', *тилэйин* 'попрошу, пожалуй', 'дай попрошу', *оқууын* 'давай позову-ка', *көрмэйин* 'да не буду видеть'.

В обращении для множественного числа к основе глагола присоединяется аффикс *-алы/-эли* или *-алым/-элим*. Встречается также форма с аффиксом *-алың/-элик* (*-луқ/-лук*): *қылалы, қылалым, қылалық* 'давайте сделаем'; *баралым, баралық* 'да пойдём', 'ну пойдём', *йүгрэлим* (вм. *йүгрэлим*) 'давайте побежим', *қойалық* 'да положим', *көрэлик* 'поглядим', *қылмайлуқ* 'да не сделаем' и т.д.

В произведении «Қыссас әл-әнбийә» для формы пожелания возникает особая аффиксация *-ғайын/-гэйин*, *-ғалым/-гэлим*, которая достаточно доказательна в отношении генетической связи этой волюнтаривной формы с формой долженствования на *-ғай/-гэй* (*-ға/-гэ*). Целесообразно такую аффиксацию сблизить и с деепричастием цели *-ғалы/-гэли*, столь часто встречающимся в древних тюркских текстах (памятник в честь Тонйукука и др.): *баш ағайын* 'да начну-ка я'; *эйлэгэйин* 'да сделаю я'; *нэтэг битигэйин* 'как же мне написать'; *йуригэлим* 'давайте двинемся', 'двинемся, что ли!'; *истэгэлим* 'поищем!'; *ойнағалым* 'поиграем!'.

В 3-м лице к основе прибавляется аффикс *-сун/-сүн*, его усеченная форма *-су/-сү* или, наоборот, наращенная аффиксом *-и*, который, видимо, является элементом релятивности: *-суны/-сүни*: *йансун, йансу* 'пусть вернется', *кэлсун* 'пусть придет', *бэрс* 'пусть даст', *қолсуны* 'пусть попросит [его, их]', *болсуны* 'да будет', 'да станет'.

В отношении нескольких третьих лиц форма принимает аффикс *-лар/-лэр*: *өргэнсүнлэр* 'пусть поучатся', *өргэсүнлэр* 'пусть поучат', *қалсуңлар* 'пусть останутся', *чықсуңлар* 'пусть выйдут'.

Саға һэдийэ қылдым бу тақсуқ сөзүм,

Маға һэдийэ қылсу ду'а тип сәни (АХ)

'Я подарил тебе это чудесное слово,

Пусть и мне сделают подарок, молясь за меня¹.

Уган рэхмэт айтсун бу са'ат аңа,

Йарын қопса болсун йаранлар иши (еши) (АХ)

‘Пусть всемогущий выскажет ему благодарность в этот час,

Пусть он встанет утром, пусть станет другом друзей

(т.е. святых пророков)²

Эйя, маңа тэвфиқ бэргил... Таңы атамға бэргэн ни'мэт үзэ шүкр қылайын таңы тэвфиқ бэргил сэн (РБҒ.) ‘Эйя, ты дай мне согласие... И также на основании милости, данной моему отцу, да воздам я благодарение, а ты также дай согласие, якобы ты доволен³; *Эмма кимэрсэгэ йолчылачылағайын ол йылқыны кэлтургэй (РБҒ.)* ‘Но кому я пожелаю быть спутником, пусть он приведет тех коней⁴.

Повелительная форма 3-го лица с аффиксацией *-сунни/-сүни* встречается редко: *Сэни билсү, утру йузуң көрсүни, учуз тутмасуны, ағыр көрсүни!* (КБВ) ‘Пусть он тебя знает и пусть прямо смотрит на твое лицо, пусть не считает тебя незначительным, но пусть тебя уважает⁵.

Настояще-будущее время

Формы настоящего-будущего времени, характерные для орхонских и древнеуйгурских памятников, мы еще в очень широком употреблении встречаем в памятниках караханидского периода «Кутадгу билиг» и «Атэбэт ул-хэқаиқ».

Рассмотрим употребление формы настоящего-будущего времени, образуемой от глагольного имени на *-ур/-үр*, *-ыр/-ир*, *-ар/-эр*. Она сохраняет в себе очень древние семантические особенности. В исследуемой фазе развития мы наблюдаем эту форму *verbum finitum*, как выражающую настоящее-будущее время, конкретное настоящее время, настоящее, безотносительное к моменту, длительное время.

Сөзүг сөзлэдэчи азар һэм йазар (КБВ)

‘Произносящий слово заблуждается и ошибается’.

Ара көрсэ йугрур бээнип, уду

Ара көрмэдүк тэг қылыр баш қоду (КБВ)

‘То она (судьба), если обратит взор (көрсэ),

Бежит [за тобою], наряжаясь и преследуя,

А то поступает так, будто не видит и отвращает голову’.

Өкүш нэңкэ тодмас көзи соқ киши,

Эжэл тутса өкүнүр итүмэз иши (КБ – Р. Арат)

‘Глаз жадного человека не насыщается многими вещами,

А если захватит смертный час, раскаивается, что не мог
доделать дела⁹.

Эрээ мэндэ эмгэк мэниүдин тэээр,

Сэвинч мэндэ сақынч мақа йол азар (КБВ)

‘Спокойствие при мне, и трудности бегут от меня,

Радость при мне, и раздумья сбиваются с пути для меня’.

Йа Моһаммэд, бизлэр ғаз қылурубыз, руээ тутарбыз бир биримизге шэфқәт қылурубыз йаман сағынч сағынмазбыз, гинэ тутмазбыз ғәибәт сөз эмәзбиз... йана өзүмизни йавузлуқтын сақларбыз (МН) ‘О Моһаммед, мы боремся за религию, соблюдаем посты, проявляем милосердие друг к другу, не держим (букв. думаем) дурных мыслей, не клеветаем, не говорим враждебно... и также охраним себя от зла’.

Verbum finitum положительной и отрицательной форм приведенных в данном примере глаголов передает действие в конкретном настоящем, сопутствующем речи говорящего персонажа и в то же время выражает аспект длительности и перманентности действия.

В «Қыссас әл-әнбийә» Рабғузи встречается не раз использование этой формы для передачи будущего времени, что свойственно языкам уйгурской группы: *Мэниү халқымны мэндиң өзгә ким қонуқлай алу* ‘Кто приютит мой народ, кроме меня’.

Но все же для указанного памятника более характерно выражение в этой форме настоящего безотносительного: *Қатра ақар бақыр болур, қатра қайнайур, бақса йәр болур. Һисарлар тамларын аның бирлә сүварлар. Ол там йықылмас болур* (РБҒ.) ‘Капли текут, становятся медными, капли кипят, посмотришь, становятся землей, и ею смазывают стены крепостей. Та стена делается нерушимой’.

Необходимо обратить внимание на употребление этой формы verbum finitum в соотношении с действиями в других формах, когда форма на -ур/-ур обозначает непосредственно очевидное действие: *Бир күн Сулэйман атланып барурда, Қаран атлы адағга тәгди. Йылқы, көрүп, отлайур* ‘Однажды Сулейман, поехав верхом, доехал до острова (оазиса) Каран. Он увидел, что пасется табун’.

Приведем параллельные примеры из разных памятников:

Билүги кәрәклиг сөзүг сәләйур,

Кәрәксиз сөзини көмүп кизләйур (АХ).

‘Мудрый говорит нужное слово,

А ненужное свое слово закапывает и скрывает’.

Никаб көтүрүр ажуң бирәр йүз ачар,

Йазар қол қучар тәг йана тәрх қачар (АХ)

‘Мир порою поднимает покрывало и открывает лицо,
Простирает руки, словно обнимает, и вновь быстро
убегает’.

*Нарис тодмас ажун нэцини тирип,
Нарислик қарымаз идиси қарып* (АХ)

‘Жадный, накапливая вещи мира, не насыщается,
Жадность не стареет, а хозяин ее стареет’.

*Увут йытты йиндэн булулмаз йыды,
Налал йилли қаны көрүнмэз боды* (АХ)

‘Стыд исчез, сколько ни зывай (*йиндэн*) и запаха
его не найдется.

Где питающийся дозволенным, и существа его не видно’.

*Жэваб зйитти ким йавуз ишлэртин һэргиз қылмаз, йана тэүри
тэ’алатын қорқмаз* (ТЭ) ‘Ответил: «Кто от дурных дел никогда не
воздерживается и также не боится всевышнего бога»; *Бушири Хафи-
дин сордылар ким, нэ үчүн кэвуш киймээсэн тэп. Бушири Хафи зйитти:*
«*Аның үчүн киймээмэн, ол күн ким бу йолға барып бисат қылдым
айақ йалаң эртим. Уйалурмэн ким кэвуш кийгэймэн*» (ТЭ) ‘Спроси-
ли Бушири Хафи: «Почему не надеваешь кавуши (сапожки)?». Бушири
Хафи ответил: «Потому не надеваю, что в тот день, когда отправил-
ся в этот путь, сделал ковер, был босиком, теперь стыжусь, что
должен надевать кавуши»’.

Однако в том же памятнике эта же форма глагола выражает и
другие семантические модуляции. Например, в диалогах форма пе-
редает настоящее конкретное действие:

*Қатыба зйитти: «Нэ үчүн жэваб бэрмээсэн», – тэп. Мухаммэди
Васиһ зйитти: «Сэниң үчүн жэваб бэрмээсэн», – тэп.* ‘Катыба ска-
зал: «Почему ты не отвечаешь?» – Мухаммеди Васих сказал: «Из-за
тебя не отвечаю»’.

Следует обратить внимание и на еще очень существенную смысло-
вую вариацию, когда форма передает действие в будущем времени:

*Насан Басри зйитти: «Киши уйумыш болғай эрти уйуған кишини
тэврэтсэ уйғанур, вэлэкин сизиң, көңүллэриңиз өлүп турур ким һэр
нэчэ тэврэтсэлэр һэргиз уйғунмаз»* (ТЭ) ‘Хасан Басри сказал: «Хотя
бы и заснул человек, уснувшего человека, если пошевелить, он про-
снется (или просыпается), но ваши сердца пребывают в смерти, так
что сколько их ни будут шевелить, никогда не пробудятся’.

*Кэүр күэ, кэчур йаз, барур бу үмүр,
Түкэтүр үмүрни бу йазым күзүм* (АХ)

‘Приходит осень, проходит весна, уходит эта жизнь
[М] закончит мою жизнь эта моя весна и моя осень’.

Здесь обнаруживается двойственное значение формы, выражающей и настоящее, и будущее время.

Шәһәрдин чыгып бир йәргә барурбыз сән таңы баруртурсән (ТЭ)
‘Выйдя из города, мы отправимся в одно место, ты также, видимо, пойдешь?’.

Кроме семантики указанной формы, следует отметить особую структуру ее с аффиксом *-тур* (< *турур*), которая выражает настоящее-будущее предположительное: *барур турсән* ‘ты, видимо, пойдешь’.

Эйттиләр: «Эй шейх Насан Басри, бизиң көңүлләримиз уйуртурур, сәниң сөзүң билә уйғунмаз» – тәп (ТЭ) ‘О шейх Хасан Басри, наши сердца, видимо, спят и твоими словами не пробуждаются», – сказали они’.

Среди глаголов в этой спрягаемой форме в особом положении находится глагол *тур-* ‘стоять’, ‘пребывать’. Он приобретает свойства форманта как в полной форме *турур*, так и в усеченной – *тур*.

В употреблении с деепричастной формой спрягаемого глагола, образованной от основы аффиксом *-а/-э* – после конечной согласной и *-й* – после конечной гласной, форма глагола *турур* образует настоящее-будущее время более конкретного значения в языках кыпчакской группы (или кыпчакизированных) и употребляется наряду с формой на *-ур/-ур*, *-ар/-эр*, *-ыр/-ир*. Между прочим, следует отметить, что в ряде старых огузских памятников форма на *-а/-э* имеет значение *verbum finitum* и без форманта *турур/-тур*. Так что предположение об обязательной редукции этого форманта в существующих формах настоящего-будущего определенного времени в ряде современных тюркских языков можно считать сомнительным. Характерная и для памятника «Қыссас әл-әнбийә», испытавшем большое кыпчакское влияние, эта форма сохраняет семантику определенности в протекании действия: *йығлаймән, ишитмәйсиз*. Но обычно мы встречаем:

Бу мәлик тәңриниң турур халаиқа бэратурумән (РБҖ.) ‘Я всегда даю этой существующей твари царя небесного’; *Шаһирдәри эйтүр эрдиһәр ким сән алим киши турурсән, антаң ким һәр түрлүк илимтин иһәсириң йоқ турур ким йара-му-турур һәр эман бир диванә шуридә кишиниң кәйиничә барурсән тәп* (ТЭ) ‘Его ученики говорили: «Ты являешься ученым человеком, так что по разным наукам равного нет, годится ли (соответствует ли), что ты все время ходишь за одержимым, помешанным человеком?»’.

В текстах исследуемых памятников интересно наблюдать за проявлениями формы глагола *турур*. Семантически выражая статику в основном своем значении, глагол *тур-* 'стоять' модулирует в отношении значения «пребывать в состоянии перманентности явления» и становится близким к значению глагола *эр-* 'быть', который по самой своей сущности выражает статичность явления. Поэтому формы *эрур*, *эрмэс*, *эрди* и т.д. выражают явление как таковое, его сущность: «есть», «не есть», «был», «не был». Такое его значение особенно ощутимо, когда он является спутником именного предикативного компонента, в том числе и глагольно-именного, например, *арың эрди* 'был чистым' значит уже «не есть чистый» и предстает в ином свойстве. Так же трансформируется и глагольное имя, например, *алур эрди* становится аористной имперфективной формой («брал», «брал бы», «взял бы») только потому, что форма *алур* (*бэрур*, *йүрүр* и т.д.) выражает явление в его незаконченной, текущей, длящейся сущности, всегда имперфективной в настоящем и будущем времени. В этом и основная причина того, что глагол *тур-* 'стоять' приобрел в качестве формантного элемента при других формах спрягаемых глаголов или именах значение «пребывать», т.е. способность передавать явление в состоянии постоянства или длительности во времени. Дальнейшая его грамматическая трансформация все больше придает ему значение абстрактно-формального элемента, что ведет к редукции первоначальной формы *турур* > *тур*, которая в свою очередь в различных тюркских языках приобретает формальные варианты типа *-дур/-дүр*, *-дыр/-дир*, *ды/-ди* и даже совершенно редуцированную форму в киргизском языке *-т*.

Мэн ким насан Басри турмэн (вместо *турурмэн*) *он мэнизи сиздин кэдин турурмэн* (ТЭ) 'Я, который является Хасаном Басри, стою (т.е. пребываю) на десять степеней позади вас'; *Эмти аның үчүн тилим аның лутфидин турур*, *көзүм көңүлүм аның нуридин турур* (ТЭ) 'Теперь благодаря ему мой язык [пребывает] от его благодати, мое зрение и мое сердце – от его света'; *Эй Байазит! Та'ат қылағучы қуллуғ, қылағучи сэн турурсэн, өзэкин тэвбих бэрүчи мэн турурмэн...* (ТЭ)
 2 О Байазид! Ты исполнитель послушания, ты исполнитель служения (букв. рабства), однако я [есть] дающий порицание².

В заключение сопоставим модуляцию смысла между предикативным компонентом *турур* и *эрүр*, который также представляет собой глагол-связку при именных сказуемых.

Билиг сизкэ хақ сөз татығысыз эрүр,

Аңар пэнд насиһэт асығысыз эрүр (АХ)

‘Для невежды правдивое слово безвкусно (неощутимо),
Ему совет и наставление бесполезны’.

Өкүшрэк кишиниң ичи ғәдр эрүр,

Көни достуң эрсэ ташы бил муны (АХ)

‘Нутро большинства людей – коварство (неверность),

Если вовне у тебя есть верный друг, знай это (т.е.

прими к сведению)’.

Употребление глагола *тур-* в сочетании со спрягаемой формой на *-ур/-үр* создает предположительную модальность, например: *Бир кун вәзир зйтти: «Биз Рум шәһридин чықып бир йәргә барурбыз, сән таңы баруртурсән?» – Хасан зйтти: «Бәлә барурмән», – тәп (ТЭ)* ‘Однажды визир сказал: «Мы выйдем из города Рума и направимся в одно место, ты, видимо, тоже пойдешь?» – Хасан сказал: «Да, пойду»’.

Форма глагола с аффиксом -ғай/-гәй

Эта форма глагола в исследуемых текстах функционирует лишь как *verbum finitum*. Образованная от глагольной основы присоединением аффикса *-ғай/-гәй*, *-қай/-қәй*, она выступает всегда с аффиксами сказуемости. В сравнении с памятниками древнеуйгурского языка буддийско-манихейского содержания в исследуемых памятниках она широко употребительна. Это показывает, насколько эта форма в качестве *verbum finitum* стабилизировалась в литературном языке для передачи определенных смысловых модуляций. Основным значением этой формы является ее оптативность в качестве будущего долженствовательного времени и это значение вытеснило употребление других глагольных форм, служивших для выражения указанной семантики. Среди других форм *verbum finitum* форма на *-ғай/-гәй* всегда выражает конкретную необходимость в исполнении действия. Кроме того, эта форма передает смысловые модуляции, выражающие не только долженствование, но и пожелание (*desiderativ*), необходимость (*necessitiv*), допущение (*admissio*) и некоторые другие.

Форма на *-ғай/-гәй* встречается и в усеченном виде – *-ға/-гә*. Можно полагать, что данный формант *-ға/-гә* в этой форме глагола является первичным. Обращает на себя внимание «деепричастие» с формантом *-ғалы/-гәли*, которое семантически близко к указанному *verbum finitum* и также выражает долженствование, намерение, желание, целеустремленность к совершению действия.

Сложный аффикс *-га+/-лы/-гэ+/-ли* имеет очень большую давность в тюркских памятниках. В качестве доказательства приводим пример из памятника в честь Тойнукука: *Йуйқа эрикли топлағалы учуз эрмиш, йинчгэ эрикли үзгэли учуз йуйқа қалын болсар, топлағулук алп эрмиш...* 'Чтобы собрать мелкое (тонкое) — легко, чтобы разорвать тонкое — легко, но если мелкое станет плотным, то [значит] могущий собрать — герой...'

Приведем несколько примеров на усеченную форму *-га/-гэ*:

*Бу күн кэнду сүжүк бу тирмэк саңа,
Ачыг болса йарын қодуп бардуқуң (АХ)*
'В этот самый день сладостно тебе собирать,
[Но] завтра ты, отбрасывая, ушел и тебе станет горько'.
Бэргэлэр өзүн аның көзиңгэ (КВ)
'Они должны отдать себя под его наблюдение
(букв. к его глазам)'.¹

Видимо, элемент *-й-* в *-гай/-гэй* можно интерпретировать в сопоставлении с таковым в желательном наклонении глагола, например: *алай, алайын* 'возьму-ка я'. Представляется интересным следующее рассуждение. Аффикс *-гай/-гэй* является суммой слагаемых *-га+й/-гэ+й-*, точно так же, как аффикс глагольного имени *-ган/-гэн* является суммой *-га+н/-гэ+н-*. Это глагольное имя является выразителем атрибутивного признака явления в адъективном и субстантивном значении и выражает его имманентную (непреходящую) сущность, что подтверждается наличием элемента *н* в образовании именных адъективных понятий типа *узун, йақын, үстүн, йашурун* и т.д., а также в образовании возвратно-медиального залога типа *сэвин-, махтап-, қорқун-, қозгун-* и т.д.

В связи с этим интересно подвергнуть анализу словообразовательные аффиксы *-га-г/-гэ-к*, образующие довольно ясно выраженную в семантическом направлении группу слов, и также деепричастие на *-га-ч/-гэ-ч* (где *ч*, видимо, усеченная форма аффикса *-ча*). Теперь обращаемся вновь к семантическим модуляциям формы *-гай/-гэй*¹.

В анализируемых памятниках превалирующим значением этой спрягаемой формы является выражение действия в определенном

¹ Интересный и многогранный анализ этой формы проведен в диссертации Г.Ф. Благовой «Характеристика грамматического строя (морфологии) староузбекского литературно языка конца XV в. по "Бабурам-наме"» (М., 1954).

будущем времени и непременности его свершения. Причем такое значение формы является идентичным во всех памятниках, несмотря на то, что написаны они не в одно время и в разных местах.

Аның үчүн мунтаң ылыурман, тэңри тэ'ала ыыймэт куни мэни тамуқ отыға көйдүрмэгэй (МН) 'Поэтому я так [и] поступаю и всевышний бог не определит меня гореть в адском огне'; *Эгер йэтти қат йғрни аның авыға салсар, һэч көрунмэгэй* (МН) 'Если ему в уста положат семь раз землю, то ничего [ему] не станет видно'; *Муса зыйитти: «Йа Моһаммед, сэниң үмметлэрини илк вақт ваз қыла алмайман* (МН) 'Моисей сказал: «О Мохаммед, твои общины в раннее время я не могу разделить»; *Сэниң черигиң кэчэрдэ...улар һэлак болғайлар* (РБғ) 'Когда твои солдаты перейдут...они погибнут'; *Нэтэ ахыр ол зэманда Моһаммед пэйгэмбэр болғай. Мүклэрдин һэч нэрсэ қалмағай, қамуғ фириштлэр аңа көргэй* (РБғ) 'Подобно тому окончательно в то время станет пророком Мохаммед. От имущества ничего не останется, все ангелы придут к нему в подчинение'; *«Ай Моһаммед, йақшы қылдың ким сүтти алып ичтиң барча үмметлэриң иман бирлэ дунйадңн барғайлар», — тэп* (ТИ) '«О Мохаммед, ты хорошо поступил, что принял и выпил молоко, все твои общины с верой уйдут из мира», — сказал'; *Бар туруп, һэр ким ол сүвдын бир қатла ичсэ йана һэргез ау(в)самағай* (ТИ) 'Действительно, каждый, кто хоть раз изопьет той воды, опять никогда не испытает жажды'; *Һэр ким эрсэ бу үч китапта оқыса, барча болуп эзли китап болғай* (ТЭ) 'Всекий, кто прочитает в тех трех книгах, станет всем, [сам] подлинной книгой'.

В отдельных случаях форма на *-ғай/-гэй* выражает действие в реальном настоящем времени: *Зыйитти: «Хош вақты ол кишиниң ким таң билэ қопқанда һэч болғай, йана кэчэ йатқанда һэч йэтгэй вэ һалтэ тэңри тэ'алатин хошнэлэд болғай, тағы шикайэт қылмағай»* (ТЭ) 'Сказал: «В доброе время [тому] из тех людей, кто встает на рассвете, ничего не бывает, а также кто ложится когда ночью, ничего не достигает и при этом от всевышнего бога благоволение бывает и так он не должен жаловаться»; *Ким йүзлэри арық тэг чуқур болғай* (МН) 'Так что их лица, подобно арыкам, являются углубленными [морщинами]'; *Абу Хашим зыйитти: «Ол киши, ким тамуқтын қорқуп учмаһны тилэгэй. тағы тэңри тэ'аланың хошнутлуғын тилэп йүрүгэй* (ТЭ) 'Абу Хашим сказал: «Тот человек, который боится ада и просит рая, также должен все время просить милости всевышнего бога'.

Последний пример показывает двойное значение формы на *-ғай/-гэй*. А именно, помимо значения настоящего времени, мы встречаем значение долженствовательной модальности в форме *тилэн йүругэй* 'должен просить'. Такое значение является даже, пожалуй, основным наряду со значением будущего определенного:

Сэна му айугай сизэ бу тилим (АХ) 'Этот мой язык должен высказывать также много хвалы'; *Ол йармақ тэргэй* (КБ) 'Он должен собирать по лепте' (*йармақ* — очень мелкая монета. — В.Н.); *Антақ ким аның улуқлуқын һэч кимэрсэ билмэгэй* (МН) 'Так что никто не должен знать (или: чтобы никто не знал) его величия'; «*Йа Моһаммэд, йана барғыл, йадбарып зарылық қылығыл, болғай ким бағышлагай*», — *тэп* (МН) «О Мохаммед, пойди опять, помолись, поскорби и да будет, что-бы тебя благословил [бог]»'.

В данном примере *болғай ким* является модальным словом, выражающим желательно-долженствовательную модальность.

Эй халаиқ, эгэр тилэрсиз ким тэңри тэ'ала эзиз қылған бэндэни көргэйсиз, кэлип Һасан Басрини көрүңүз тэп (ТЭ) 'О люди, если желаете [чтобы] увидеть раба, которого всевышний сделал святым, пойдите и повидайте Хасана Басри'.

В этом примере обнаруживается еще одно существенное значение формы на *-ғай/-гэй*, а именно выражение дезидеративности и оптативности одновременно.

Бу Кэусэр һаузыдын эввэл ол кишилэр суғ ичкэйлэр (МН) 'Из этого бассейна Каусера сначала пусть те люди попьют воды'.

В этом примере семантика *ичкэйлэр* равнозначна форме *ичсүңлэр*, т.е. форме желательно-допустительного наклонения.

Моһаммэд Васий зйитти: «Сэниң үчүн жэваб бэрмэсмэн ким эгэр айытсам фақырлықтын йоқлуқтын кийип турмэн тэп жэваб айытсам тэңри тэ'алатын шикайэт қылмыш болғаймэн», — тэди (ТЭ) 'Мохаммед Васих сказал: «Для тебя ответа не даю, ибо, если я скажу в ответ, что одеваюсь вот так (*кийип турмэн*) от бедности, от нищеты, то я, пожалуй, пожаловался бы на всевышнего бога»; *Һасан Басри зйитти: «Йусуф пэйжэмбэрның ағаларының ишини унуттуңуз болғай»* (ТЭ) 'Хасан Басри сказал: «Вы, должно быть, забыли о деле старших братьев Иосифа»'.

Сложной спрягаемой формой является сочетание формы *-ғай/-гэй* с формой вспомогательного (связочного) глагола *эрди/эди*, которая образует *preteritum optativi*, т.е. форму долженствовательного имперфекта, выражающего ирреальное, обусловленное действие, сопутствующее долженствовательной модальностью.

Мэниң сөзүм тутсаңыз эрди, сизлэргэ бу эмгек тэжмэгэй эрди
 (Рбе) 'Если бы вы придерживались моих слов, вас не коснулись бы эти тяготы'; *Нэр қачан ким бэйт(и) Қоран оқусалар, ол мурид өзини йэргэ уруп фэрйад қылаай эрми* (ТЭ) 'Каждый раз, когда прочитают стих Корана, тот мученик должен был ударяться об землю и издавать стоны'; *Он киши һэм мусулман болса эрди һэм һэлак болмаһай эрди...эһ эр бир киши мусулман болса эрди һэм һэлак болмаһай эрди* (Рбе) 'Хотя бы было десять человек мусульман, не случилось бы беды...хотя бы даже один человек был мусульманин, они не погибли бы'.

Прошедшее объективное

Форма прошедшего объективного остается неизменной и морфологически и семантически на протяжении веков, поэтому мы ограничимся текстовыми примерами, чтобы проиллюстрировать ее в исследуемых памятниках.

*Сөзү савчы ыдты бавырсаң эди,
 Будунда талусы кишидэ кэди.
 Йула эрди халққа қаранһу түни
 Йаруқлуқы йадты йарутты сэни.
 Оқычы ол эрди байатын саңа,
 Сэн утру көни йолға кирдиң тоңа.* (КБН)
 'Милостивый господь послал [нам] любимого пророка,
 Избранного от народа, совершенного из людей.
 Он был светочем для народа в темную ночь.
 Сияние его распространилось и осветило тебя.
 Он был глашатаем к тебе от бога,
 Ты прямо вступил на правильный путь, о герой'.
*Саңа сөзләдим мэн сөзүң тыңладым,
 Көзүң йумдуң эрсэ өзүм тәңләдим* (КБН)
 'Я тебе говорил и слушал твои слова,
 А как только ты сомкнул глаза, я последовал твоему
 примеру (тәңләдим)'.

*Билиги эр өлди аты өлмэди,
 Билигсиз тириг эркэн аты өлүг* (АХ)
 'Знающий муж умер, но имя его не умерло,
 Невежественный хотя жив, но имя его мертво'.

Жэбраил учмақтағы Кәусэр суйдин бир қызыл йахут эһтабэ билэ су кәһтурди. Мэн бу тәһарэт қылдым. Ол тәһарэт қылған сувни Жэб-

райл өз қанатларыға төкті... (МН) 'Гавриил принес воды красным рубиновым кувшином из райского источника Каусер.

Я совершил омовение. Ту воду, которой [я] совершил омовение, Гавриил полил на свои крылья'; *Йана төрт йүз чағлық моллалар, суфиһәр кәһип чадырны зәруһүн бир нимә сөзләп бардылар, йана төрт бәш йүз чағлық қарылар кәһип, чадырны зәруһүн нимә сөзләп йандылар* (ТЭ) 'И опять четыреста приблизительно мулл и суфиев пришли, обошли кругом шатер, что-то сказали и ушли; и опять приблизительно четыреста-пятьсот старцев пришли, обошли кругом шатер, что-то сказали и вернулись (вышли обратно)'

Прошедшее повествовательное-историческое

Форма *verbum finitum*, образованная из глагольного имени на *-мыш/ -миш* с аффиксами сказуемости, имеет ту же семантику, что и в памятниках буддийского-маишеического содержания.

В этой форме передаются в аспекте исторического повествования события, не являющиеся непосредственными для излагающего лица.

*Тарығеһық тип аймыш ажуни рәсул
Тарығеһықта қатлаһ тары эдгүһүк (АХ)*

'Пророк говорил, что мир есть нива,
На ниве старайся, сей добро'

*Эһик йарлықамыш битиг бирлә сөз,
Оқудым битигни йаруқ болды көз (КВВ).*

'Эһик соизволил [прислать] доброе письмо,
Прочитал я письмо и взор [мой] стал светлым'

*Вә кәһмиш қушлуқ ашыға төрт йүз қаңлы йана алмышлар йәтти
йүз қаңлы уһ харж болур эрди (РБҒ)* 'И для обеда, наступившего в предположенное время, опять взяли четыреста повозок, и было израсходовано семьсот повозок муки'

Сложные глагольные формы

Сложные глагольные формы в языке исследуемых памятников исламского содержания представляют дальнейшее развитие категории времени и склонения путем включения в формы спряжения не только вспомогательного глагола *эр-*, но и других глаголов, как, например, *бол-*, *тур-* и др.

В структуру этих спрягаемых форм входят не только глагольные имена, но также и деепричастия смыслового глагола.

Прошедшее несовершенное время

Ведущей формой является глагольное имя на *-ур/-үр, -ыр/-ир, -ар/-эр*, вспомогательной, изменяющейся по лицам – форма глагола *эр-*.

Эта форма по содержанию имперфективна и выражает действие длительное, незаконченное, многократное и неопределенное. В условном предложении она передает действие предположительное, ирреальное:

*Това көрмез эрди Эдибниң көзи,
Түкэди бу он төрт баб ичрэ сөзи (АХ)
'Из-за болезни не видели очи Адиба,
Он завершил свое слово в этих четырнадцати главах'.*

*...қачырдын кичикрэк, ишэдин улукрақ, йүзи адымы киши дэк,
қуйружы айақлары тэвэгэ отшар эрди (МН) '...меньше мула, больше
осла, лицо, как у человека, и хвост и ноги походили на верблюжьи'.*

В соответствующих случаях формой этого имперфекта выражаются перманентные признаки, дается характеристика.

Көк сари жыластасам, қуш тэк учар эрди (МН) 'Как понесся галопом я вдоль неба, она (кобыла Мохаммеда) летела, как птица'.

*...көрдүм ким: эдгү адам алейһу эссэлам, оң йаныңа бақып сзвунуп
күлэр эрди. Сол йаныңа бақып қайғылуқ болуп йығлар эрди (МН) 'Я
увидел, что добродетельный человек, да будет над ним мир, направив
взор направо, радовался и смеялся; направив взор налево, становился
печальным и плакал'.*

В произведениях «Мираж-намэ», «Тэшхис ул-инсан» и других употребление этой формы имперфекта довольно распространено.

Таң атқунча та'эт қылу эрди, андын соң эртэси залқаа тэ'ам бэрүр эрди (РБҒ) ' [Сулейман] на рассвете совершал поклонение, затем рано утром выдавал народу пищу'; Сулэйман ол тахт үзэ олтурды. Ол тэңизгэ бақар эрди, тэңиздин бир балық баш көтэрди эди (РБҒ) 'Сулейман сел на тот трон. Он глядел на море, из моря некая рыба поднимала голову'; Ба'зилар күчлүк қуовы эрди, Сулэйманға бойун сунмас эрди, уларны тағда экинжир бирлэ сақлар эрди (РБҒ) 'Некоторые были сильные, могучие, Сулейману не покорялись, стерегли их на горе с цепью'; Йаһйа жэваб бэрди ким тэңри тэ'ала антақ тэп

хитаб қылды ким: «Йаһйа йа, саңа қаттығ ишлэр көргүзүр эрдим» (ТЭ) 'Яхйа ответил, что всевышний бог таким образом обратился: «О Яхйа, я тебе показывал суровые дела...»'; Бу йағачның түбидэ бир бөлэк элни көрдүм, фэриштэлэр қапып тиллэрин кэсэр эрдилэр, тиллэри йана бутар эрти, йана кэсэр эрдилэр...» (ТИ) 'Под этим деревом я увидел иных людей, ангелы, вытягивая (букв. схватывая), отрезали их языки, языки их опять отрастали, [их] опять отрезали...'

Преждепрошедшее повествовательное

Эта форма образуется из глагольного имени на *-мыш/-миш* с формой *эрти* вспомогательного глагола. Она выражает действие, совершившееся в прошлом и предваряющее развитие последующих действий. Характерна для повествовательной речи.

Таңы таби'ин эрэнлэргэ көп хизмэт қылмыш эрди, таңы көп бурунқы машаитлар билэ сөһбэт тутмыш эрди...» (ТЭ) 'И еще много служил мужам-последователям и с очень давними шейхами держал беседу'; Ол Абу Хашим... рийасэт ичиндэ насыр эрти, баса таби'инни, йана көп саһибаларны көрмиш эрти...» (ТЭ) 'Тот Абу Хашим... был несравнимый в аскетизме и потом последователей и также большое общество [собеседников] привлекал (букв. видел)'; Антын өтүп бир фириштэ көрдүм, йарымы оттын, йарымы қартын йаратылмыш эрди (ТИ) 'Пройдя оттуда, я увидел ангела, половина его из огня, половина из снега была создана'; Йана бир бөлэк элни көрдүм, ким тамуқ ичиндэ ээмқирилэр билэ асмыш эрдилэр (МН) 'И еще увидел я группу людей, которые внутри ада висели на цепях'; Тажт бир йағач йэр ичиндэ эрди. Ол тажтны алтун көмуш бирлэ қылмыш эрди (РБҒ) 'Трон находился посреди места площадью с йағач. Тот трон отделали золотом и серебром'; Түнниң үч үлүшидэ бэри кэчмиш эрди Жэбраил Михаил таңы он фэриштэ йигитлэр сурэти бирлэ болуп Лотжа кэйдилэр (РБҒ) 'Лишь только миновала третья часть ночи, Гавриил, Михаил и еще десять ангелов, будучи в образе юношей, пришли к Лоту'.

Совершенно естественно, что в двух поэмах дидактического характера «Қутадғу билиг» и «Атэбэт ул-хэқайқ» данная форма отсутствует.

В предикативной позиции прошедшее повествовательное может передаваться сочетанием глагольного имени на *-мыш/-миш* с аффиксом принадлежности и с предикативными именами *бар, йоқ*:

Сулэйман аны көрүп һэйрэт қылды. һэч кимэрсэ көрмиши йоқ (РБҒ) 'Сулейман, видя это, удивился: никого не было видно (никого

не увидел)»; *Қайу ата оғлыны құрбан қылмышы бар?* (РБҒ) «Какой отец принес [бы] в жертву своего сына?».

Қуллары үчүн көп түрлүк нә'мәтләр амадә қылмыш ким һеч көз көрмиши йоқ һеч зулақ ишитмиши йоқ (МН) «Для его рабов приготовили много различных даров, которые не охватишь никаким взором, и никакой нет возможности охватить слухом».

Преждепрошедшее несовершенное (имперфективное)

Эта форма образуется из будущего долженствовательного с формой вспомогательного глагола *эрди*. Обычно она встречается в условных предложениях с ирреальным условием, соответственно которому в сказуемом аподозиса следует форма на *-ғай/-гэй + эрди*.

Жэбраил айды: «Йүз киши мусулман болса эрди, бәла болмағай эрди» (РБҒ) «Гавриил сказал: «Если бы было сто человек мусульман, то несчастья не произошло бы»; *Ол достумизның көңли хош болған үчүн сени ол достумызға бағышлаттуғ йоқ эрсә, көргэй эрдиң ким саца нә ишләр қылу эрдүк* (ТЭ) «Так как тот наш друг стал доволен, то если мы того нашего друга не заставили бы тебя одарить, увидел бы ты, что мы с тобою сделали бы».

В этом предложении в сопоставлении форм *көргэй эрдиң* и *қылу эрдүк* ясно выделяется значение преждепрошедшего имперфекта как выразителя предшествующего возможного действия перед последующим.

Көз йумуп ачғунча бир саатда арша тәккэй эрдиң (РБҒ) «Не успев глазом моргнуть, ты за час достиг бы небесного свода».

Данный пример иллюстрирует даже реальную предположительную возможность.

Йәти қат көк, йәти қат йәр, аның қатында һеч көрүмәгэй эрди (МН) «Семь слоев неба, семь слоев земли, под ними ничего нельзя было видеть».

Преждепрошедшее совершенное

По мере движения литературного языка к западу возникает ряд форм *verbum finitum*, которые затем активно развиваются и получают широкое использование не только в литературных памятниках чагатайского периода, но и в новых среднеазиатских языках.

Эта форма *verbum finitum* образуется из соединительного деепричастия (на *-н, -ын/-ин*) и формы вспомогательного глагола *эрди*, например: *Ба'эзы бир эрни бир ишкэ нэсб қылып эрди* (РБЕ) 'Он некоторых назначал (назначил) на какую-либо работу'.

Эта форма констатирует фактическое регулярное действие. Для доказательства этого мы расширим контекст:

Насан Басриниң шагирди эрти. Бир кун Насан Басри билэ дэрийаның қырығында турур эрдилэр. Хатабайи бэн Фулам дэрийаға кирип сув йүзиндэ йүрүп эрти. Насан Басри аны көрүп һэйран қалды (ТЭ) 'У Хасана Басри был ученик. Однажды вместе с Хасаном Басри они стояли на берегу реки. Хатабайи бен Гулям, войдя в реку, пошел по поверхности воды. Хасан Басри, видя это, изумился'; *Ҳачан ким расул алэйһу сэламиниң жаныва йавуқ йэттим эрсэ, йүз миң дэрийалар көрдүм оттын тақы миң һижан-пэрдэ көрдүм нурдын асын эрдилэр* (ТЭ) 'Как только я приблизился к душе пророка, да будет над ним мир, я увидел сто тысяч рек, увидел также тысячу занавесов (*һижан-пэрдэ*) [защищающих] от огня, их повесили [для защиты] от лучей света'.

Также распространенной формой, образованной из деепричастия соединительного, является структура *verbum finitum*, состоящая из деепричастия на *-ын/-ин* и спрягаемой формы настоящего-будущего времени глагола *тур-*, ставшего формантным глаголом, как об этом было сказано выше. Форма на *-н турур* выражает так называемое «прошедшее в настоящем», прошедшее результативное, совершенное, иногда показывающее переход в состояние.

«Эй балық, мунча тэ'амларны халқ үчүн йығып турурмэн...кэрэк эрсэ йэгиль, – тэди (РБЕ) '«О рыба, столько пищи я [ведь] собрал для народа...если нужно, ешь», – сказал'; *Мэсҗидни аның үчүн йырақ йасаб турурбиз ким сэвабимиз көп болғай тақы гуристанны аның үчүн йавуқ қылып турурбиз ким өлүмни унутмағайбиз* (МН) 'Мечеть мы построили далеко, чтобы небесная наша награда была большая, а при этом (*тақы*) кладбище мы сделали близко – затем, чтобы не забывать о смерти'; *Ушул алэйһу сэлам кэлип сорды ким бу кузэдин ким сув ичип турур тэп. Умма Сэлма эйитти ким Насан сув ичип турур, тэди. Расул алэйһу сэлам ол мантар сув ким бу кузэдин ичип турур, мэниң илимтин аңа улук тэгэр тэп тэди* (ТЭ) 'Тот, да будет над ним мир, придя в дом, спросил: «Из этого кувшина кто выпил воду?» Умма Сельма сказала, что Хасан выпил воду. Пророк, да будет над ним мир, сказал: «Тот, кто выпил ту воду с грибом, на него снизойдет великое из моего учения»'.

Эта форма *verbum finitum* образуется из спрягаемой формы прошедшего объективного смыслового глагола в соединении с формантно-вспомогательным глаголом *эрти*. Она констатирует действие, предшествующее другому свершившемуся или свершавшемуся действию.

Йана йэтмиш күн уйағ турды эрди...мэула тэ'ала аны учар қушларға, йүгүрүр кийиклэргэ эрлик қылды (РБГ) 'И еще он (Сулейман. — В.Н.) пребывал бодрствующим семьдесят дней... всевышний бог сделал его могущественным над птицами и быстроногими ланями'; *Сулэйман ол татт үзэ олтурды. Ол тэңизгэ бақар эрди. Тэңиздин бир балық баш көтэрди эрди* (РБГ) 'Сулейман воссел на тот трон. Он глядел на море. Из моря какая-то рыба поднимала голову'; *Һарисның эликлэри тартышты. Ол та'амға элигини узата билмэди эрти. Мэн бир тиккэ ол аштын һариснын аезыға қойдум. Һэр нэчэ жайт қылды чайнап йута алмады* (ТЭ) 'Руки Хариса (жадного) протянулись, [но] он не мог дотянуть руку к пище. Я положил кусочек той пищи в рот Хариса. Он несколько попыток сделал и не смог прожевать и проглотить'; *...Йана Жунажатта эйитти эрди: «Илаһи мэни түзүн қулларың тэһ нэч йалаң тутарсан, мэн бу мэртэбэни нэ иш билэ таптым?», — деп, шүкр қылуғ эрти* (ТЭ) '... а также [Мохаммед Васы] в молитве говорил (говаривал): «Боже мой, ты меня блюдешь как твоего верного раба не нагим, я эту степень каким делом заслужил?», — и возносил хвалу (благодарность)».

Чаще всего эту форму *verbum finitum* можно встретить в «Қыссас әл-әнбийә». В других исследуемых произведениях эта форма встречается редко.

Относительно форманта *эрки*

Еще в нашей работе «Древнеуйгурский язык» мы высказывали свои соображения относительно модального форманта *эрки*. Примеры из «Қутадғу биліг» еще больше укрепляют нашу гипотезу в том, что он генетически восходит к отглагольному имени *эриг*, близкому по значению к понятию «суть, сущность». Как мы указывали, уже в текстах древнеуйгурских памятников *эриг* употребляется с аффиксом принадлежности 3-го лица — *эриг*, *эриги*, что возможно читать в уйгурской письменности и как *эрки*. Видимо, *эриг*, *эрки* в своей семантике аналогичен форманту *эрич* для обозначения самодовлеющего явления в

его основной сущности. Ведь в этом значении эта «частица» употребляется и в тувинском языке, сохранившем много рудиментов. Так что считать *эри*, *эрки* аналитическим формантом якобы сослагательного наклонения нет оснований.

Нэүкэ түшэр эрки?! Толды өти!

Йазуқум нэ эрки? Билүмэз өзүм! (КВН)

‘Зачем же касаться (букв. спускаться к сути)?

Наполнилась горечь (букв. желчь)!

[И] что [же] у меня за грех? Я сам знать не могу!’.

Нэүк қодтум, эрки, бу эдгү эрки,

Нэүк сөктүм эрки йазуқсуз киши,

Нэүк тоғдум эрки йана өлгэли,

Нэүк күйдүм эрки сығым көргэли (КВ – Р. Арат)

‘Зачем [же] я оставил, ведь это добро,

[Ну] зачем я бранил безгрешного человека,

Зачем [же] я [только] родился, чтобы умереть,

Зачем [же] я вот смеялся, чтобы рыдание видеть’.

И не даром мы сближали в той же указанной работе формант *эрки* с *эркөн*.

Формы условного наклонения

В исследуемых памятниках формы условного наклонения представляют формы *verbum finitum* и по своей структуре являются простыми и сложными.

Простая форма условного наклонения выступает как спрягаемая форма, образованная от основы глагола характеристическими аффиксами *-са/-сэ* и личными аффиксами принадлежности. Этим она отличается от огузской формы орхоно-енисейских и древнеуйгурских памятников, имевших характеристическими аффиксами *-сар/-сэр* и личные аффиксы сказуемости. Рудимент аффикса сказуемости сохраняется иногда в 1-м лице множественного числа, т.е. вместо *-к/-к* употребляется *-мыз/-мыз*. Видимо, изменению древней аффиксации условной формы способствовало взаимодействие между огузскими и кыпчакскими типологическими явлениями, оказавшими доминирующее влияние на древние аффиксальные формы и стабилизирующие указанные морфологические изменения.

Простая форма условного наклонения, отмечаемая в исследуемых памятниках, оказалась долговечной и активной для современных живых тюркских языков.

Ед. число	Мн. число
1-е л. -са/-сэ + -м	-са/-сэ + -мыз/-миз (-ы/-к)
2-е л. -са/-сэ + -ң	-са/-сэ + -ңыз/-ңыз
3-е л. -са/-сэ	-са/-сэ (в лит.формах -салар)

В «Кутадру билиг» сохраняется еще древнеуйгурская форма условного наклонения с аффиксами сказуемости.

Саца йазсамэн, сэн кэчүрмэгэ сэн,

Кэчүргэй идим миң йазуқ қылсамэн (КБВ)

‘Если я перед тобой согрешу, ты меня не простишь,

/Но/ господь мой простит, если я тысячу грехов совершу’.

Сложная форма образуется из простой формы с формами прошедшего времени глагола *эр-* (*эрди, эрмиш*): *-са/-сэ эрди; -са/-сэ эрмиш*.

Кроме таких сложных аналитических форм имеются так называемые формы условной модальности. Они образуются из спрягаемых временных форм с условной формой глагола *эр-* (*эрсэ*) и выражают различные смысловые модуляции, характеризующие содержание условия.

В анализе форм условного наклонения мы последовательно проследим их семантическое содержание в системе предложений, где целесообразно выделить их основные особенности с наибольшей точностью.

Простая форма условного наклонения в своем основном значении выражает условие в настояще-будущем времени или потенцию для осуществления действия. Обычно эта форма, будучи предикативным компонентом предложения-тезиса, всегда сопряжена с предикативным компонентом предложения-аподозиса. В этом сопряжении обычно проявляется последовательность времен (*consecutio temporum*), и эта последовательность определяет реальность или нереальность действия, определенность или неопределенность условия. Смысловая связь предикативного компонента предложения-тезиса настолько несвободна от содержания предикативного компонента предложения-аподозиса, что при одной и той же форме первого, содержание условия в отношении определенности и неопределенности, реальности или нереальности осуществления его варьирует в зависимости от перфективности или имперфективности *verbum finitum* в сказуемом аподозиса.

Кимиң эрдэми болса аты йурур,

Қалы болмаса эрдэм атсыз қалыр (КБВ)

‘Если у кого есть доблесть, его имя распространяется,

/Но/ если доблесть от утствует, он остается неизвестным

(букв. без имени)’.

Сопряженность *verbum finitum* в тезисе и аподозисе выражает определенность и реальность условия.

*Бу нэңгэр маңа бэрсэсэн, эй күлүк,
Өзүм қул болайын саңа бэлгүлүк (КБВ)
‘Если ты дашь мне те вещи, о знаменитый,
Я сам да буду тебе, как подобает, рабом’.*

В следующем примере при наличии имперфекта в сказуемом аподозиса, сказуемое тезиса становится по содержанию имперфективным и выражает ирреальность, предположительность в условии:

*Апаң қолсам узу барып
Тутар эрдим сүсин тартып (МК)
‘Если бы я захотел, я захватил бы его войско,
преследуя и рассеивая [его]’.*

В следующем примере соотношение дается в ирреальном плане, благодаря имперфективности формы *pretæritum optativi*: *Қачан Йусуфни көргүм кэлсэ, ол бөрини сэгбэй эрдим (РБҒ)* ‘Когда бы мне пришлось увидеть Иосифа, я полюбил бы того волка’.

В старых памятниках форма условного наклонения употребляется с союзами-частицами *апаң* и *қалы*, которые постепенно отмирают, уступая место заимствованному персидскому *эг эр*.

Апаң сэн барсаң (МК) ‘если ты [все-таки] пойдешь’; *апаң достум эрсэ, аның болмағу...* (КБВ) ‘Если он мой друг, разве он не таков...’; *апаң ики ажун қолур эрсэ сэн* ‘если ты пожелал бы два мира (реальный и загробный)’.

В «Қыссас әл-әнбийэ» Рабғузи встречается союз *қачан*:

Қачан ояланлары бу ҳал көрділэр эрсэ тақат қылмадылар ‘Если бы его сыновья увидели бы такое положение, не перенесли бы’; *Қачан Мәлик Сүләйманға мүслим болды эрсэ, мзула тә’ала илим өз һикмэт бирлә йалвачлық қамуғын Сүләйманға эжа бәрди* ‘Если ангел был преданным Сулейману, то всевышний покровительствовал Сулейману наукой, мудростью и всем ниспосылаемым’.

Сложные формы глагола условного наклонения

Имперфектная условная форма

Эта форма представляет сочетание условной формы настояще-будущего времени со вспомогательным глаголом *эрди*. Ею выражается предположительное ирреальное условие, являющееся предпосылкой к осуществлению другого действия.

При условном имперфекте в тезисе обычно в аподозисе выступает форма прошедшего несовершенного (аориста).

Эгэр Адам бир са'ат сабр қылса эрди, нэва Адамға кэлур эрди (РБҒ) 'Если бы Адам проявил терпение один час, Ева пришла бы к Адаму';
Қарынчақ айды: «Бу сәһі мүлк турур, сабр қылсау эрди, фириштэлэрни саңа мәсхэр қылу эрди (РБҒ) 'Муравей сказал: «Это легкое (мало-значительное, — В.Н.) имущество; если бы ты проявил терпение, то он (тэури, — В.Н.) подчинил бы тебе ангелов»'.

Форма условного имперфекта может обозначать также предпосылку для выполнения желаемого.

Қылу бэрсэ эрди мәниң ишлэрим,

Көрү бэрсэ эрди ичим ташларым (КБН)

'О если бы он мог [всегда] исполнять мои дела,

О если бы он видел [всегда] мое сокровенное и мое явное (букв. внешнее)'.

Йа султан-и садэ, эгэр сәни санчық уруқ билэ алсақ эрди, бизлэр жанымызны фида қылып алғай эрдүк (ТЭ) 'О великодушный султан, если бы мы взяли тебя при помощи крюка, мы должны были бы пожертвовать нашими жизнями' (по Будагову, *санчық* 'мешок для зерна').

Қарындар кәлип айтурлар ким, эгэр шәһәт зарылық билэ алур болса эрди, сәни бизлэр алғай эртүк (ТЭ) 'Пришли старцы и сказали: «Если бы можно было бы взять [тебя] жалобами и стонами, мы взяли бы тебя»'.

Эйа шаһ-и садэ, сәни эгэр илим билэ, сөз билэ ала алсақ эрди, баис билэ сәни алғай эрди (ТЭ) 'О великодушный шах, если бы мы могли тебя взять наукой и словами, то тебя можно было бы взять и путем спора'.

В «Тәзкәрә-и эвлия», в котором встречается немало восточно-тюркских грамматических форм, условному имперфекту корреспондирует форма на *-ғай эрди* должностовательного имперфекта.

Аналитические структуры условных форм, имеющих модальное значение

К числу этих форм условного наклонения относятся формы *verbum finitum*, представляющие сочетание глагольных имен с условной формой глагола *эр-* или глагола *бол-*.

Сочетание глагольного имени, образованного аффиксами *-ур/-ур*, и условного элемента *эрсэ* выражает значение присущей, постоянной

для действующего субъекта функции или проявлений, о которых можно предполагать или которые можно выделить.

*Қамуғ түрлүк эрдэм бу билсэ түкэл,
Бу эрдэм билэ ол мэңиз қылса эл,
Оқыр эрсэ дэптэр, уқар эрсэ сөз,
Билір эрсэ ши'ир һэм қошар эрсэ өз* (КБВ)

‘Если этот всякое разное мастерство знает в совершенстве
И с этой способностью делает равными (подобными) руки
(т.е. мастер на все руки. —В.Н.)

Будь то тетрадь прочитатъ, будь то слово понять,
Будь то знание поэзии или самому сочинить стихи’.

(Следуя законам рифмы, мы прочитали конец второго стиха эл ‘руки’, а не ал ‘алый’, а потому читали мэңиз қылса в значении ‘если уподобит’, а не ‘делает щеки’. Полагаем, что наш перевод близок к общему смыслу четверостишия.)

*Һужум билсэ тип ма йорар эрсэ түш
Аның йорымыты тэг сөзи кэлсэ түш* (КБВ)

‘А если знает астрономию, то такие сны способен
толковать.

Согласно его толкованию событие (явление) совпадает
со словом’.

*Ағзыдын чықарып ташлады тақы қопуп эвдин чықты. Йана бир кун
кэлүр эрсэ, қуруқ экмэк элигиндэ қойдум экмэкни йэди* (ТЭ) ‘Вынул
[хлеб] изо рта и бросил и, встав, вышел из дома. Но опять приходит
однажды, я положил ему в руку сухой хлеб и он хлеб съел’.

В этом примере мы обращаем внимание на иное значение словосочетания кэлүр эрсэ, а именно на непосредственную или скорую связь явлений.

*Қачан Сулейман тағдын кэчэр болса, ол тағдағы алтын көмуши,
ким бар эрсэ, барчасы элэ кэлүр эрти* (РБҒ) ‘Когда только Сулейман
переходит через горы (букв. гору), находящееся в тех горах золото и
серебро и все что ни есть, все доставалось в [его] руки (букв. руку)’.

Смысловое значение указанных форм словосочетания близко к очень употребительному в текстах приему для передачи быстро чередующихся явлений типа: *Аларқа бақса, қайғулуқ болуп йығлар* (МН) ‘Лишь только взглянул на них, а они, разгоревавшись, плачут’.

В памятниках встречаются также аналитические формы в составе глагольного имени на *-мыш/-миш* и *эрсэ* со значением преждепроедшего времени:

*Ол кун Шафван орнында сэн болмыш эрсэң... бу сақынчы сақын-
ай-му эртиң* (РБҒ) 'Если бы ты был в тот день на месте Шафвана, то
тебе вряд ли пришли в голову (букв. ты вряд ли подумал) эти мысли...'

Следует обратить внимание на довольно часто встречающуюся в
памятнике «Тэзкэрэ-и эвлийэ» форму возможности в ее положитель-
ных и отрицательных вариантах, состоящую из условной формы смыс-
лового глагола и соответствующей формы глагола *бол-*:

*Ол көркүк қызлар кэлип айтурлар: «Дй султан-и садэ; эгэр көрк
билэ, мал билэ сэни ала алсаң эрди өзүмизни, бу малларны сэниң. Үчүн
фида салып, сэни алғай эртүк, өзлэкин тәқдирни мал билэ, көрк билэ
йандурса болмас»* (ТЭ) 'Те красивые девушки приходят и говорят: «О
великодушный султан, если бы мы могли тебя взять красотой и иму-
ществом, мы пожертвовали бы собой и имуществом, однако судьбу
имуществом и красотой повернуть невозможно»'.

Условная модальность

В то время как в древних тюркских памятниках форма условной
модальности была не развита, в исследуемых памятниках обнаружи-
вается многообразие форм условной модальности, которые диффе-
ренцируют временные соотношения в условных предложениях.

Айа мал идиси, ақы эдгү эр,

Байат бэрди эрсэ саңа сэн мэ бэр (АХ)

'О хозяин имущества, щедрый и добрый человек

(букв. муж)

Если тебе дал бог, и ты тоже давай'.

Йирилгэн, сөкүлгэн тирип бэрмэгэн,

Тирип бэрүр эрсэң, нэчэ тирсэ тир (АХ)

'Тот, кто, собирая, не дает, он достоин порицания,

Если ты [обычно] собирая, даешь, то собирай все,

что можно собрать'.

Битимэди эрсэ битигли битиг,

Нэгэ билгэй эрди бу һикмэт тэди (КБВ)

'Если пишущий (писец) не написал произведение (письмо),
То как познал бы он суть этой мудрости'.

Форма прошедшего объективного в сочетании с условной формой
вспомогательного глагола *эр-(эрсэ)* часто передает быстрое чередо-
вание действий или событий.

Сулейманны көрдүлэр эрсэ учуп хаҕаа аҕдылар 'Как только они увидели Сулеймана, [сейчас же] взлетели и поднялись в воздух'; *Бу нэ кишилэр турур дэп сордум эрсэ, Жэбраил эйтти: «Булар ол кишилэр турур ким мусулманларны йүзүлэриндэ мэсхэрэ тутуп кэйинлэриндэ хэйбэт эрдүлэр»* (ТИ) 'Как только я спросил, что это за люди, Гавриил сказал: «Это те люди, которые мусульман в лицо подвергали насмешкам а позади (за спиной) робели»'; *Һэҗаж кэлип олтурды эрсэ һасан Басри нэчэ илтисат җылмады таҗы өз сөзини артурды өгсүтмэди* (ТЭ) 'Как только паломник пришел, Хасан Басри нисколько не обратил внимания и также продолжал свое слово, не урезая его'; *Йана һаҗыҗэт көзи билэ баҗтым эрсэ муңча та'ат җуллуҗ ким җылдым барчасы һаҗҗтын эрмиш, мэнди эрмэ эрмиш* (ТЭ) 'И как только взглянул я взором истины, то повиновение и служение, которое совершил, все было от истины, не было от меня'.

*Эгэр йыҗдың эрсэ үмүрүк тавар,
Бурун башҗа бөркни кэдэр баш кэрэк* (АХ)
'Если ты собрал жизненные блага,
То прежде нужна голова, на которую надевают
другую шапку'.

*Җалы ичтиң эрсэ өзүрткү сүчи,
Көңүл сырры ачты чыҗарды ичк* (КБВ)
'Как только ты выпил пьянящую сладость,
Тайну сердца открыл и сокровенное обнаружил'.

Мэн җопуп баҗтым эрсэ, бир нардабан көрдүм (МН) 'Как только я встал и посмотрел, я увидел лестницу'.

В этом употреблении форма условной модальности синонимична деепричастию на *-җач/-гэч* (см. выше).

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ПО СИНТАКСИСУ

В исследуемых памятниках мы имеем два структурных типа речи: стихотворную в «Құтадғу билиг» и «Атэбэт үл-хэҗаиқ» и прозаическую повествовательную в произведениях «Қыссас әл-әнбийэ», «Тэшхис үл-инсан», «Мираҗ-намэ» и «Тэзкэрэ-и эвлийэ». Ввиду того, что в нашей работе «Древнеуйгурский язык» нами дан интегрированный обзор основных структурных закономерностей, характерных для типологии синтаксиса тюркских языков, в настоящем очерке ограничимся лишь некоторыми замечаниями.

В памятниках, написанных стихотворным размером с рифмованными строками, в произведениях Юсуфа Баласагунского и Ахмеда Югнекского, синтаксическая структура каждого предложения несложная. Благодаря лаконичности и даже афористичности каждого предложения, большинство структур сводится к простому распространенному предложению или к подчинительным соотношениям условного и индикативного предложений. Главное, что выделяет эти структуры из обычного соотношения словосочетаний, свойственных структуре предложения в тюркских языках, — инверсия членов предложения, обусловленная ритмом и рифмой стихотворной строки, при этом в определительных словосочетаниях довольно часто нарушается изафетная конструкция.

В памятниках Юсуфа Баласагунского и Ахмеда Югнекского в структурах словосочетаний много общего с памятниками манихейско-буддийского содержания, но с другой стороны, наличествуют новые явления: использование в качестве предикативного форманта в именных предложениях глагола *тур-* вместо глагола *эр-* в 3-м лице в форме настоящего времени. В определительных компонентах довольно часто появляется глагольное имя с аффиксами *-ган/-ган* наряду со становящимися менее актуальными глагольными именами с аффиксами *-глы/-gli*, *-тачы/-тачи*, которые в адъективной функции приобретают семантику причастия.

Хорезмско-золотоордынский памятник Рабғузи «Қыссас эл-энбийэ» является как бы переходным между караханидскими памятниками уйгурского и арабского письма и памятниками языка «тюрки». Мысль о промежуточности «Қыссас эл-энбийэ» подтверждают примеры, иллюстрирующие наличие в развитых обстоятельствах глагольных имен на *-дық/-дик*, *-мыш/-миш*, *-ур/-ур*, *-ган/-ган* для выражения их предикативных компонентов.

Сулэйман айды: «Сэн элук қачмадың эди». — «Мэн буларның улуғы мэн, улуғ рийэтлэргэ мушфик кэрэк, бэла кэлмиштэ өзиңи бэлаға тутғу кэрэк» (РБҖ) «Сулейман сказал: «Ты почему же не убежал?» — [Муравей:] «Я у них [самый] большой, а большой к народу (подданным) должен быть добрым, когда приходит беда, следует противостоять беде»; *Айды бакасы ол турур, ағаз қылғанда «бисмиллаһ» тимэк, фарис болғанда «элһамдулла» тимэк* (РБҖ) «Сказал: «Цена [пищи] такова, когда начинаешь [есть] надо говорить "во имя бога", когда становишься свободным [от еды] — "слава богу"»; *Йана сәни дүшмән бәласидин хутқардым, саңа бәргәнимкә нә үчүн шүхр қылмасән* (МН) «Я опять избавил тебя от вражеской напасти, и за то, что я тебе дал, почему ты не благодаришь [меня]»; *Малларының зәқатын бэрүргэ көңүллэри қый-*

май турурлар (МН) 'Когда дают десятину (зэқат) своего имущества сердца их не скупятся'; *Бу эмканларны тартмағынча бу учмаққа кир-мэгэйлэр тэп* (МН) 'Сказал: «Пока они не испытают эти возможности, они не войдут в этот рай»'; *Антақ ким йэтмиш йыл тэһарэтини йазықа барғанда сындуруп йана тэһарэт қылу эрти* (ТЭ) 'Таким образом, семьдесят лет прерывал свое омовение, когда отправлялся в степь, и вновь [потом] совершал омовение'; *Ол вақт ким барча эһниң көңлигэ муһэббэт оты түшп барча эһэр көзидин йаш ақар башлағанда, һасан Басри рабийаға бақып эйтүр эрти* (ТЭ) 'В то время, когда в сердце всего народа снисходил огонь любви и когда из глаз всего народа начинали литься слезы, Ҳасан Басри, взирая на господа, говорил...'.³

ЛИТЕРАТУРА

[1] H. V á m b é r y, Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik, Innsbruck, 1870.

[2 а] Кудатку-Билик. Факсимиле уйгурской рукописи..., изд. В.В. Радловым, СПб. 1890.

[2 б] Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun, Theil II. Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo, hrsg. von Dr. W. Radloff, I. Lief., СПб., 1900; II. Lief., СПб., 1910.

[3 а] А.Н. Самойлович, Из поправок к изданию и переводу "Кутадгу-билиг" – "Доклады Российской академии наук", В, окт.-дек., 1924.

[3 б] А.Н. Самойлович, Дополнения к предложенным Радловым и Томсенем переводам стиха «Кутадгу-билиг», – «Доклады АН СССР», В, 1928, № 2.

[4 а] С.Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования, М.-Л., 1951.

[4 б] С.Е. Малов, Из третьей рукописи «Кутадгу-билик», – «Известия АН СССР», Отд. гуманитар. наук, 1929, № 9.

[5 а] Reşid Rahmeti Arat, Kutadgu Bilig, I. Metin, İstanbul, 1947.

[5 б] Jusuf Has Hâcib, Kutadgu Bilig., II, çeviren Reşid Rahmeti Arat, Ankara, 1959.

[6 а] Edib Ahmed b. Mahmud Yükneki, Atebetü'l-hakajik, Reşid Rahmeti Arat, İstanbul, 1951.

[6 б] Necib Asim, Yüknâkli Edip Ahmet Aybet ül-Hakayik, İstanbul, 1334 h. (1915/16).

[7] K. Grønbech, Monumenta Linguarum Asiae Maioris 4, Rabghuzi, Narrationes de prophetis, Kopenhagen, 1948.

[8] *قصص رغبوزی* (Qissas-i Rabghuzi), изд. И. Ильминского, Казань, 1859.

[9] С.Е. Малов, Мусульманские сказания о пророках по Рабгузи, – «Записки коллегии востоковедов», т. 5, Л., 1930.

[10] J. Schinkewitsch, Rabghuzi's Syntax, - «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen an der Königlich Friedrich Wilhelms Universität zu Berlin», Westasiatische Abteilung, Berlin, Bd.29, 1926; Bd.30, 1927.

[11] A. Pavet de Courteille, Mirâdj-nâmeh, publié pour la première fois d'après le manuscrit ouïgour de la Bibliothèque Nationale, - «École nationale des langues orientales vivantes», ser. II, t. 6, Paris, 1882.

[12] A. Pavet de Courteille, Tezkereh-i Evlia, Paris, 1890.

[13 a] Divanü lûgat-it-türk tîpkıbasımı, Faksimile, Ankara, 1941.

[13 b] Divanü lûgat-it-türk tercümesi, çeviren Besim Atalay, I-III, Ankara, 1939-1941.

[13 v] C. Brockelmann, Mitteltürkischer Wortschatz nach Maḥmūd al-Kāšgarī's Dīvān Lûghāt at-turk, - «Bibliotheca Orientalis Hungarica», I, Budapest - Leipzig, 1928.

[14] W. Thomsen, Sur le système des consonnes dans la langue ouïgoure, - «Keleti Szemle», t. II, Budapest, 1901.

[15] C. Brockelmann, Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens, I, Leiden, 1951.

[16 a] M. Mansuroğlu, Das geschlossene *e* im karachanidischen Türkisch, - «Uralaltaische Jahrbücher», XXIX, 3-4, 1957.

[16 b] M. Mansuroğlu, Das Karakhanidische, - «Philologiae Turcicae Fundamenta», t. I, Wiesbaden, 1959.

[17] A. Zajęczkowski, Zabytek językowy ze Złotej Ordy «Hüsrev u Şirîn» Qutba, - «Rocznik Orientalistyczny», XIX, 1954.

[18] Philologiae Turcicae Fundamenta, t. I, Wiesbaden, 1959 (Здесь см. краткую библиографию).

[19] L. Ligeti, Les voyelles longues en ture, - «Journal Asiatique», CCXXX, 1938 (библиографию по данному вопросу см. также: А.М. Щербак, Сравнительная фонетика тюркских языков, Л., 1970, стр. 47-59).

[20] M. Räsänen, Materialien zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen, - «Studia orientalia», 15, Helsinki, 1949.

[21] J. Eckmann, Nehcü'l-feradis, I. Tîpkıbasım. - «Türk dili kurumu tîpkıbasımlar dizisi», 35, Ankara, 1956.

[22] А.Н. Самойлович, К истории литературного среднеазиатско-тюркского языка, - сб. «Мир-Али-Шир», Л., 1923.

[23] J. Németh, Zur Kenntnis des geschlossenen *e* im Türkischen, - «Kőrösi Csoma - Archivum», I, 5, 1939.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
Предисловие	9
<i>Сведения о фонетике и графике</i>	14
<i>Словообразование</i>	20
Образование имен	21
Образование глаголов	26
Семантическое развитие глагольных основ	27
<i>Имена</i>	30
Субстантивная и адъективная категории	31
Число	31
Склонение	32
Категория принадлежности	43
<i>Имя числительное</i>	44
Количественные числительные	44
Порядковые числительные	45
Разделительные числительные	45
Соединительные числительные	45
<i>Местоимение</i>	45
Личные местоимения	45
Указательные местоимения	46
Вопросительные местоимения	47
Возвратные местоимения	47
Неопределенные местоимения	47
Обобщающие местоимения	48
<i>Глагол</i>	48
Неличные формы глагола	48
Формы <i>verbum finitum</i>	72
<i>Краткие сведения по синтаксису</i>	96
Литература	99

Владимир Михайлович Насилов

ЯЗЫК ТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКОВ
УЙГУРСКОГО ПИСЬМА
XI-XV вв.

*

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

*

Редакторы *Е.А. Поцелуевский* и *В.Д. Подберезская*
Младший редактор *Н.Н. Платонова*
Технические редакторы *Т.А. Пашеюк* и *Т.А. Сударова*

*

Сдано в набор 12/XI-1973 г.
Подписано к печати 26/IV-1974 г.
А-08026. Формат 60x90 1/16. Бум. № 1. Печ. л. 6,5
Уч.-изд. л. 5,51. Тираж 1250 экз. Изд. № 2882.
Зак. 262 Цена 42 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука"

Москва, Центр, Армянский пер., 2

Офсетное производство типографии № 3
издательства "Наука"

Москва, Центр, Армянский пер., 2

Цена 42 коп.